

A close-up portrait of a young woman with light brown hair and bangs, looking directly at the camera. She has numerous freckles on her face. The background is dark and out of focus.

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

18+

Ли Виксен

#МЕНЯ ЗОВУТ ЛИС

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

#ONLINE-бестселлер

Ли Виксен

#Меня зовут Лис

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Виксен Л.

#Меня зовут Лис / Л. Виксен — «АСТ», 2016 — (#ONLINE-бестселлер)

ISBN 978-5-17-094761-4

Прикинувшись мальчишкой-солдатом, девушка Лис поступает на службу в легион Алой Розы. Ее не волнует судьба мира: было бы чем перекусить да где заснуть. Но все меняется, когда Лис находит учителя в лице сурового командира-иноземца Атоса и узнает страшную тайну, которую хранит генерал легиона – прекрасная и жуткая леди Алайла... «Меня зовут Лис» – это не просто роман, а дверь в огромный мир неведомого королевства, в котором днем бушуют войны, а в свете костра рассказывают удивительные сказки. Это история девушки, бегущей от прошлого навстречу ужасам войны. Это сага о взрослении, самосознании и простых человеческих ценностях.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-094761-4

© Виксен Л., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

#Бусина первая	6
#Бусина вторая	15
#Бусина третья	25
#Бусина четвертая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ли Виксен

#Меня зовут Лис

Я хотела бы посвятить эту книгу тем, кому в жизни не хватает мечты. Тем, кто как и я, отчаянно ищет ее, лишь с тем, чтобы на миг сжать в ладонях и сохранить ее угасающие блики.

Все мы, подобно Лис бежим вперед, торопимся, надеемся и до последнего верим, что обретем мечту: откроем в свое время ларец с Любовью, Верой или Истиной. Я надеюсь, что эта книга хотя бы слегка раздует искры наших поисков. Попутного вам ветра!

Ното homini vulpis est
<Человек человеку лиса>

© Л. Виксен, 2016

© Дмитрий Агеев, фотография на обложке, 2016

www.ageevphoto.com

e-mail: pro-fotos@mail.ru

© ООО «Издательство АСТ», 2016

#Бусина первая

Стояла жуткая жара. Капли пота стекали между лопатками по уже влажной спине. Легионеры справа и слева перекрикивались, поливая проклятиями и отборной руганью то ли врагов, то ли наших военачальников. Гул нарастал.

У меня заныла и зачесалась стянутая бинтами грудь. Ко всему прочему сильно давил нагрудник, выданный мне на складе. Он был такой маленький, словно предназначался ребенку. От палящего солнца я буквально закипала в броне. В голову пришло сравнение с моллюском в походном котелке. Сзади, как прибой, нарастал ропот, и ряд, который должен был прикрывать тыл, вдруг двинулся вперед без приказа. Солдаты, похоже, просто устали ждать, ведь мы проторчали здесь целое утро. И тут наш тыл тоже пошел в атаку.

Случилось то, что должно было случиться: меня сильно толкнули в спину, и я упала плашмя, лицом в нагретый солнцем песок. Мой подбородок не был защищен шлемом, и в рот сразу же набился песок. Похоже, мое падение не смутило солдат заднего ряда, потому как они просто пошли по мне. Из груди разом вышел весь воздух, раздался противный хруст. «Только не ребра, пусть это будет броня», – промелькнуло в голове. Боли почти не было, но меня обуял настолько сильный страх, что я не почувствовала бы даже собственной смерти. Впрочем, шли по мне недолго: мы были предпоследней линией обороны. Снабженцы, поддержка, помощники, которые редко участвуют в настоящих сражениях.

Опершись на древко пики, я попыталась встать. Это хлипкое оружие, как и броню, мне выдали на складе. Все полученное там обмундирование было редкостным барахлом. Естественно, авангард одевали лучше, но у них и шансов умереть побольше, чем у снабженцев. Отплевываясь от песка и жмурясь от яркого солнца, я огляделась, пытаюсь понять, где идет бой. Впереди в мареве горячего воздуха виднелись лишь неясные силуэты.

Были ли это солдаты моего легиона? Я не знала. Это могли быть и демоны жары, танцующие на песке огромного Поля Песчаных мышей. Когда-то песчанки и правда здесь водились, но гражданская война превратила Поле в пустошь. Битвы случались тут чаще, чем дожди: слишком уж лакомой была эта земля для претендентов на престол. С одной стороны открывался путь на столицу Ярвелл, с другой – к плодоносным землям юга. Засесть в Песчаном бастионе и направлять свои войска на столицу – об этом мечтал каждый аристократ, сражавшийся за трон. Наниматель моего легиона – легиона Алой Розы – не был исключением. Именно поэтому мы и были здесь, именно поэтому меня втоптали в песок – все, чтобы выиграть этот клочок земли.

В песчаных вихрях впереди я не видела даже спин тех, кто прошел по мне. Догонять их уже не было смысла. Я оглянулась. Как оказалось, тыловики сбили с ног не только меня: неподалеку сидели старый дед, точно вышедший из могилы покурить табачку, и вихрастый однорукий парень, видимо потерявший равновесие из-за своего увечья. Вот они – доблестные воины-снабженцы. Ха-ха два раза.

– Нам заплатят? – поинтересовалась я. Вопрос был по существу: до настоящей битвы мы так и не добрались, а значит, и снабжать нам было некого. В таких случаях рассчитывать на плату не приходилось.

Дед выплюнул на ладонь пару зубов вперемешку с кровавой слюной. С сожалением на них посмотрев, он ответил:

– Заплатят, если не попадешься на глаза тем, кто по нам прошелся. Они могут и сдать офицерам.

Я протянула старику руку. Простой дружеский жест. Это движение, такое обыденное в мирной жизни, на поле брани выглядело глупо. Издали донеслись звуки боевого рога.

Кажется, кто-то уже праздновал победу – вероятно, именно мы. Старик с отвращением поглядел на мою протянутую ладонь и, сплюнув еще раз кровь, встал самостоятельно.

Делать на Поле было нечего. Мы были лишними и даже чужими в этой победе. Оставалось только вернуться в лагерь. Так мы и поступили. Все вместе: старик, однорукий и я – поплелись под палящим солнцем прочь от сражения.

– Я слышал, лорд Вискрам заключил союз с Поглощающим из соседнего Удела Мрака. А тот привел с собой тысячу песчаных тварей, – решил поделиться с нами однорукий. Взгляд его при этом возбужденно горел.

– Чтоб у тебя язык отсох, дурень. Поглощающие не заключают союзов. А единственные песчаные твари на этом поле – это мы с тобой да вот эта тряпка, – сказал старик, кивнув в мою сторону.

Я поморщилась от грубости, но спорить не стала. Лучше пусть меня считают трусливым парнем, чем поймут, кто я на самом деле. Однорукий, однако, слишком воодушевился своей сплетней и замолкать не собирался:

– Ближайший Удел прямо за полем, возле замка. Может, Поглощающий и сам решит показаться? Жаль, что я тут, а не там – на передовой. Глядишь, увидел бы высшего мага одним глазом.

– Не дай тебе боги встретить кого-то ихнего рода на пути, – процедил сквозь зубы старик и вновь сплюнул красной слюной.

Но парень продолжал тараторить. Он болтал, словно деревенская сваха, не нуждаясь в одобрении слушателей. Меня же так мутило от жары и боли в груди, что слушала я одним ухом, мечтая лишь о том, как умою разгоряченное лицо водой.

– Ну, А́тос и Поглощающего бы победил, как пить дать. И Сияющего. Он бы мечом – уууух!

– Да что ты заладил? Генерал-боец сегодня даже не сражался. Оборона у замка – две сотни лучников, прикрытых хлипкими воротами да тяжелой конницей. А она не ждала удара из леса.

Глаза однорукого округлились, будто две монеты:

– Так значит, это правда? Крамер распорядился вести наших с тыла, прямо через земли Поглощающего?

– Уж какая есть правда: леса совсем чуток захватили. Но рисковали сильно. К счастью, когда хозяин заметит, что в его Уделе потоптались гости – нас уже и след простыл. Легион тут не задержится, отойдем вглубь и отсидимся.

– А как же простые люди? – подала я голос, потому что меня возмутил беспечный тон старика. – Легион уйдет, но селяне останутся. И разъяренный вторжением Поглощающий тоже.

– Они всегда остаются, и если высший маг решит на них отыграться... что ж, не повезло.

Я словно глотнула кислого уксуса. На войне такое не редкость – каждая выигранная битва, каждый удачный стратегический ход ставил под удар кого-то другого. Солдаты уходили, а жизнь продолжалась.

– Вот вам и чистая победа, – с горечью заметила я.

– Уж не тебе болтать о победе, – вдруг взвился старик. – Таким, как ты, место в пехоте, в первых рядах. Здоровый парень, ростом мал, но ноги-руки на месте. Какого Войи ты вообще в снабженцах?

Обычно я отмалчивалась, потому что жизнь в легионе меня научила: чем меньше сказано, тем больше шансов остаться целой. То был мир мужчин, где я обманом и хитростью выбила себе место. Но в этот раз слова все-таки сорвались с языка.

– Я в снабженцах, потому что боюсь умереть. А на передовой умирают сплошь и рядом.

Старик хмуро меня оглядел. Только теперь я заметила, как пожелтели от табака его жесткие усы и какие усталые и блеклые у него глаза. Он нервно потер запястье, словно желая найти на нем браслет или повязку, а затем сказал:

– Думаешь, от смерти так легко спрятаться? Встал за чужими спинами, и Костлявая не заметит?

– Я не думаю. Я знаю. Я бегу от смерти уже два года, и пока мне это удается.

Наши взгляды встретились. Что-то в старике казалось мне тревожным. Он не был похож на обычных легионеров. Я слышала грубости и пострашнее, но меня испугали не слова, а взгляд старика – беспощадный, стальной. Однорукий парень махнул на нас и, потеряв интерес к разговору, быстрым шагом пошел в сторону лагеря.

– Бегать от смерти – это не цель, – наконец выдал старый легионер. – У тебя есть цель? Или мечта? То, ради чего можно не бояться смерти.

Я прикрыла глаза. Отчасти потому что едкая пыль Песчаного поля уже проникла сквозь ресницы и царапала глаза, но отчасти и потому, что так было легче вспоминать. Мечта. Далекое слово, откуда-то из детства. Беззаботная девочка рисует красивую белую башню посреди рыжего осеннего леса.

– У меня была мечта. Очень давно. Подняться на башню, на вершине которой можно познать Истину, Надежду и Любовь.

– И что же случилось? – Старикан хитро сощурился.

– Случилась жизнь, – ответила я.

Повернувшись к легионеру спиной, я пошла за одноруким. В голове уже теснились мысли о деньгах, ужине, сне и тысяче мелочей, которые обычно заменяют нам мечты. Однако я расслышала, что крикнул мне вдогонку старик:

– Какой смысл бежать от смерти? Без мечты ты и так труп, только пахнешь чуть лучше.

* * *

Наш лагерь больше напоминал толчею на рыночной площади в воскресный день. Солдаты, продажные женщины, дети из разоренных селений, прибившиеся к легиону, скот. Все это скопище галдело с утра до ночи: кричало, стонало от боли, лаяло и отдавало приказы.

По дороге к штабу, где обычно солдатам выдавали жалованье, я наблюдала обычные сцены походной жизни. Вот парень моется в большом корыте, насвистывая веселый мотивчик. Около одной из палаток лазарета рядом складывают носилки с ранеными в последней битве. Один парень с неглубокой царапиной на тощей груди вяло смотрит на старания врача. Рана совсем пустяковая, но видно – он уже не жилец. За полтора месяца я много таких повидала – в глазах потухает огонь и солдат перестает сражаться за жизнь.

На самом деле эти раны – не травмы кожи, мышц или органов, они значительно глубже. Словно изранили душу, уничтожив саму суть человека. Поле боя – не батальная сцена с красивыми флагами и конницей на белоснежных скакунах, а кровь и внутренности, как следствие жестокости и звериной ярости. Без сожаления солдаты схлестываются с вражеской армией, иногда задевая своих. В этой каше человеческих тел легко ошибиться. Поэтому иной раз солдат не выдерживает – у него пропадает желание бороться за жизнь. И лекари тут, как правило, бессильны.

А вот рядом с пареньком расположился настоящий боец: его ругань слышна на весь лагерь. Он клянет всех: врагов, товарищей, лекарей и даже собственную мать. Одной рукой он прикрывает распоротый живот, жуткую рану, через которую видны его сизоватые внутренности, другой – сжимает бутылку дешевого пойла, к которой постоянно прикладывается. Сколько бы кругов ада такой вояка ни прошел – он будет выживать. Может даже умудрится дожить до конца войны, уедет в свою деревню, найдет там хорошенькую невесту...

Впрочем, это были бессмысленные размышления. Да, война – это страшно, и нудно, и грязно, и тысячи других «и», полный перечень которых знали все солдаты легиона. Но никто ведь не тащил нас сюда за шкуру. Легионеры сражаются за деньги, а не за светлые идеалы. Может, разве что, за идеалы золота? Я тоже пришла сюда по своей воле, и все ужасы войны стали для меня пустым звуком. Ничего они не меняли.

Я пошла мимо темно-синих палаток лазарета, усыпанных серебряными звездами, к багряному шатру, самому большому в лагере. Каждый раз после битвы здесь выстраивались длинные очереди, терявшие свои «хвосты» в недрах нашего «походного дома».

Каждый выживший солдат имеет право на пятнадцать монет. Офицеры – на тридцать. Снабженцы вроде меня – на семь, но только если обошлось без серьезных потерь. Чаше отряды поддержки получают по пять серебряных оллов. От серебра там, правда, одно слово да цвет, но монета еще ходовая почти во всех концах нашей страны, кроме, разве что, южных провинций. Те предпочитают торговать настоящими драгоценностями: самоцветами, металлами и рудой. Но моя дорога вряд ли уйдет так далеко от Центрального тракта.

Сегодня очереди за платой не было. Неудивительно, ведь после схватки с Белыми Лилиями минуло уже три дня. Большинство солдат, вернувшихся в лагерь, давно получили свои деньги, потратив их на дешевых девок, выпивку или проиграв все в карты. Тех же, кто погиб, еще не привезли. Поле Песчаных мышей находилось довольно далеко от нашего лагеря, поэтому оплату получили все, кроме тех, кто задержался в пути, да мертвецов, которых будут привозить еще неделю.

Я намеренно выждала пару дней, прежде чем явиться за положенным. Мне не хотелось встретиться с кем-то из тех бравых солдат, что втоптали меня в землю. Вероятность того, что они вспомнят какого-то мальчишку, была крайне мала. Но рисковать не стоило – в вопросах оплаты легионеры были строги. За свои пять оллов тыловики хотя бы попытались поучаствовать в битве, я же лежала лицом в пыли и молилась, чтобы у меня не треснули ребра.

Мы, снабженцы, нередко простаивали без дела, и порой нам платили лишь за то, что мы вышли в строй. На случай, если у офицеров возникнут вопросы о моем участии в бою, я приготовила солидный довод: треснувший нагрудник хорошо доказывал мою наигранную доблесть. Он спас мне ребра и подарил надежду на то, что следующая броня будет поудобней.

Перед багряным шатром штаба оказалось лишь несколько человек. Судя по повязкам, все эти ребята только прибыли из лазарета. Приковыляли за заработком, пока их не записали в трупы.

Багряный шатер из потрепанной парусины возвышался над поляной, как огромный пирог. Пока я примерялась и подбирала слова, чтобы выклянчить свой заработок, с противоположной стороны шатра слышались громкие голоса. Я отошла от стола выдачи, невольно прислушавшись к обрывку разговора, и сообразила, что речь идет, как всегда в этом мире, о деньгах:

– Десять монет и не больше. На мой взгляд, это и так расточительство.

– Но господин, в легионе Белых Лилий мне платили около тридцати, да еще и содержание!

Я не видела говорящих и могла представить их по голосам. Первый мог принадлежать лишь старшему офицеру, так как он был налит тяжеловесной волей и по-военному чеканил каждое слово. Мне он показался странно знакомым. Второй же, наоборот, подрагивал и звучал хоть и нервно, но на удивление мелодично, словно принадлежал певцу. Я уже и забыла, что пришла за деньгами, и обратилась в слух. Мне хотелось узнать, чем закончится спор и выторгует ли просящий лишнюю монету.

– Тебя не убили – считай это частью оплаты. Весь офицерский состав Лилий сейчас болтается вдоль дороги. Не веришь – сам сходи, посмотри. Тебе могут подарить такое же

пеньковое ожерелье на шею, как и тем ребятам, и поверь – никто из моих солдат не будет возражать. Наоборот, может даже порадуются. Видишь ли, у нас не песенный легион, и бард нам не нужен. Ты можешь сейчас просто уйти на свой страх и риск, или же написать за десять монет одну жалкую песню для Алой Розы.

Бард... ну тогда все ясно. Эти нелепые хлыщи в шелковых шароварах, словно слепни, прилипали к легионам и сосали денежные запасы армии, изредка радуя генералов своими бездарными сочинениями. Обычно в качестве дара преподносились походные песни, восхваляющие доблесть командиров. А они неплохо зарабатывают. Тридцать монет, как же...

– Но милорд, я...

– Сгинь.

Я поняла, что разговор, к несчастью барда, завершился, но не успела сойти с дороги. Из-за шатра возникла высоченная тень и двинулась прямо на меня, легко, словно пушинку, столкнув с дороги. Мужчина даже не остановился и просто двинулся к синему шатру одного из генералов. Зато, разглядывая спину грубияна, я наконец-то вспомнила, кто это. Неудивительно, что голос показался мне знакомым. Какая честь – с дороги меня столкнул сам генерал Атос – лучший боец легиона Алой Розы, великолепный наездник и сотня-другая прочих громких титулов. Много историй об этом человеке-легенде я слышала в лагере. Но лишний раз болтать о нем легионеры не решаются. Поговаривают, что он терпеть не может сплетен и скор на расправу. В бою я стою от него слишком далеко, а в лагере он почти все время проводит в своем шатре.

Атос такой странный... Двухметровый крайниец со смуглой кожей и пепельно-серыми волосами, похожими на шапку из какого-то пушного зверя. Как он из-под такой шевелюры вообще видит поле боя остается загадкой. А сражается он, по слухам, просто прекрасно. Под доспехами, хоть и не видно, – гора мышц, будто он круглые сутки машет двуручным мечом. Я слышала, что он может перерубить человека пополам, – но это больше похоже на старушечьи байки. Как ни крути, но для его возраста – двадцать с небольшим – сделать карьеру генерала легиона было завидной судьбой. И кем бы он ни был за пределами легиона, этот парень определенно входил в число лучших бойцов Алой Розы.

Я не разглядела в нем особой красоты, хотя лагерные шлюхи сходили по нему с ума. Скорее что-то демоническое или звериное: вон как передвигается – быстро и бесшумно. Пока я размышляла, его уже и след простыл. Я подошла чуть ближе и заглянула за шатер. Там стоял бард, всхлипывая и прижимая к груди лиру. Нелепый петух в желтых панталонах – в лагере он выглядел еще более чужим, чем я. Но жалости почему-то не вызывал. Лирист, хе-хе.

Я вновь обогнула шатер и направилась к столу, который стоял с другого края. Не стоило забывать, зачем я здесь – за платой. На выдаче сегодня сидели два незнакомых мне солдата, исполнявших роль казначеев. Легионеры явно скучали. Один, что постарше, чистил гравировку на парадной кирасе и, кажется, до ужаса гордился своим офицерским чином.

– Эм... привет, – сказала я, помахав рукой. – Я Лис. Снабженец, третий отряд под командованием Генада.

Со вздохом офицер в кирасе начал листать огромный том, содержащий данные обо всех легионерах Розы, в том числе и о моем отряде.

– Лис сдох, – лениво проговорил он, тыча грязным ногтем в какую-то строчку. – О смерти сообщил кто-то из сослуживцев еще два дня тому назад.

Ну вот и дожили. Наверняка, это вредный старик, который поучал меня на поле. Мечта, мечта... А на деле попросту доносчик.

На войне такая вот шуточная запись о смерти может сильно осложнить жизнь. У меня, конечно, как и у всех бойцов легиона, была при себе грамота от отрядного капитана, подтверждающая мою личность, но воровство грамот у мертвецов тоже было делом обыден-

ным. Получить деньги за себя и мертвого соседа было бы отличным заработком, не назначать генералы за подобный обман строгого наказания. Тем, кого ловили с чужой грамотой, полагалась веревка на шею. Если бы я пришла к шатру в первый же день, кто-нибудь из отряда подтвердил бы, что я – Лис, и вполне себе живой, но сейчас надежды было мало. Все зависело от того, в хорошем ли расположении духа офицеры на выдаче.

В ход пошли бумаги: пришлось достать грамоту и положить на стол.

– Мало ли – бумажка, – лениво протянул офицер. Сбывались мои худшие опасения. – Мне с твоей бумажкой знаешь куда сходить?

– Меня не любят в отряде, – доверительно сообщила я, – все равно ведь правда. – Наверно, решили подшутить над новичком, вот и записали в трупы.

– А за что тебя любить, сладкоголосый? Голос как у девки, фигура как у девки, еще и в снабженцах, где одни старики да калеки.

Второй офицер примирительно вскинул ладони, – видимо, очень не хотел ни ссор, ни потасовок. Он лениво поднес мою боевую грамоту почти к носу, изучил бумагу и сунул мне обратно в руки.

– Плевать. Пиши, что живой. Нынче снабженцам платят только четыре олла. Нам не жалко, забирай свою мелочевку, пацан, и проваливай.

Темнело. Но лагерь в этой темноте просыпался, как громадный старый пес: кряхтя и почесываясь. Солдаты устраивались у костра с бутылочкой и сладко коротали часы перед сном за игрой или пустой болтовней. А вот мне идти было некуда. После «шутки» про мою смерть проводить вечер с отрядом мне расхотелось. Ребята ведь не просто так поступили, это было прямое заявление о том, как они ко мне относятся. В легионе я хорошо научилась отличать дружеские шутки от неприкрытой издевки.

Я решила, что разумнее будет идти к костру Ферроса, последнему прибежищу отщепенцев вроде меня. Я уже не раз ночевала у его костра, хотя и не любила проводить время с вечно похваляющимся дураком Ферросом, капитаном отряда и неплохим мечником. Как и все офицеры, он мог иметь свой шатер и костер. Но в отличие от соседних офицерских костров, народу у него всегда было мало. Люди тянутся туда, где интересно или играют на большие деньги. Феррос же только и делал, что рассказывал о себе, и его истории то и дело повторялись, обрастая новыми и невероятными подробностями. Зачастую капитан напивался, краснел, гневливо поливал своих врагов грязью, потрясая «дедовым» мечом. Такое зрелище совсем не радовало глаз и требовало сильной выдержки. Ну или отсутствия выбора, как в моем случае.

Я шла к костру Ферроса, на ходу поправляя шлем. Никогда не забывать про шлем – это мое правило номер один. Да, в нем было жарко и душно, особенно в летнюю пору, и слышимость хуже, а чтобы увидеть что-то сбоку, приходилось поворачивать голову. Но то была лишь малая жертва за мое право оставаться в легионе неузнанной и нераскрытой.

Около костра собралась едва ли дюжина вояк всех мастей, таких же неприкаянных душ, как я. Феррос вещал что-то невнятное, и легионеры, не замечая его болтовни, были заняты своими беседами. Я тихо присела с краю, протянув ладони к огню, и, к счастью, никто не обратил на меня внимания. Вход здесь был свободный. Сиди и грейся, только не воруй чужую еду и пейло.

– Эй, Фер. Что там за парень в шлеме? Ты че шлем не снял, дубина? Ты кто такой? – Какой-то мужик с вислыми усами больно ткнул меня в бок пустой бутылкой. Теперь жди беды. Однако Феррос разозлился не на меня, а на вислоусого за то, что тот прервал его вдохновенный рассказ.

– Это Лис. В шлеме, потому что вся морда в чертовке. Его-то я знаю, а вот кто ты такой – понятия не имею! И какой я тебе Фер? Я капитан Феррос...

К перепалке Ферроса и вислых усов подключились еще несколько легионеров, а я почувствовала себя странно польщенной. Надо же, капитан удосужился запомнить не только мое имя, но и легенду, из-за которой я не снимала шлема. Никто не знал, что болезнь чертовка была придуманной, но эта история позволяла мне скрывать лицо.

Шлем был необычным. Такого я не видела больше ни у кого во всем легионе – стального цвета, отшлифованный до ровного матового блеска; в почти вертикальных изогнутых прорезах были видны только мои глаза, а нижняя часть не закрывала подбородок. Шлем был округлым сзади и закрывал шею, а спереди сужался к подбородку, словно клюв птицы или морда зверя. По бокам, чуть выше висков, создатель шлема припаял два стальных пера, которые, видимо, должны были походить на крылья или что-то вроде этого, но на деле торчали, как уши. Впервые увидев себя в этом шлеме, я даже не знала, плакать мне или смеяться.

Помню, когда я только пришла в легион и явилась к багряному шатру, чтобы записаться в отряд снабженцев, командир спросил мое имя. И я застыла. Меня охватил ужас. К своему прошлому имени я испытывала такое отвращение, что не смогла бы произнести его даже под пыткой. К тому же оно было женским, а я пришла поступать в легион, выдавая себя за юношу. Но придумать мужское имя у меня не хватило смекалки. Вот я и стояла как идиотка, ловя ртом воздух, пока капитан не гаркнул: «Да запишите этого дурака Лисом – в честь горшка, что у него на голове». Так я обрела имя и не стала его менять – лисам ведь приписывают хитрость и скорость. Мне хотелось, чтобы новое имя изменило меня. Не зря же говорят, что с новым именем приходит новая жизнь.

Об этом чудном шлеме стоит сказать лишь еще одно. Его я сняла с первого убитого мной человека – не на поле боя, а в пропахшей дымом таверне на перекрестке двух дорог.

* * *

Разговоры о победах Ферроса перетекли в скучное обсуждение каких-то сражений, а потом – болтовню о женщинах. Ветер шумел в ветвях ближайшей рощи, а костер мирно потрескивал. Я, признаться, начала клевать носом в тепле и покое, пока не услышала свое имя.

– А ты что скажешь Лис, а? – Я вскинула голову и увидела, что Феррос испытующе смотрит на меня через разделяющий нас костер.

– А... простите?

– Мы тут обсуждаем, что по легиону ходят продажные девки – страшные, как грехи Войи, да еще каждая вторая носит всякую заразу. Что думаешь? – Он заговорщицки подмигнул окружающим его товарищам.

– Ну, капитан, вы же знаете, что у меня чертовка. Со мной девушки ложа не делят, боятся подхватить, знаете ли. – Обычно эта отговорка срабатывала. Но атмосфера вокруг костра как-то изменилась. Ко мне было приковано слишком много взглядов. Я, кажется, прослушала что-то важное.

– А я вот думаю, Лис, дорогой мой... – Слова Ферроса просто источали мед. – Голос у тебя такой звонкий и фигурка не мужская совсем... Мы тут это обсуждали с ребятами.

Мое сердце заколотилось как сумасшедшее. Капля пота, выступившая на лбу, стекла по кончику носа и повисла над верхней губой. «Только не разоблачение, – замечались мои мысли. – Не здесь и не сейчас!»

– Думаю, ты совсем еще мальчишка, – продолжил капитан, поглаживая свою короткую пшеничную бородку. – Но нам-то, старым воякам, и такое сойдет. На безрыбье, сам понимаешь... Мы не брезгливые, а в темноте тебя и за девочку можно принять.

Он встал, а со всех сторон раздалось улюлюканье. У меня немного отлегло от сердца – меня не раскрыли. Но происходящее все равно меня тревожило – Феррос никогда так раньше

не шутил. Похоже, сегодня он перепил вина. Несколько его друзей оставались серьезными и не участвовали в общем веселье. Один даже поднялся и вовсе ушел.

– Может, снимешь доспех? Потанцуешь в свете костра нагишом. – Очередная волна смешков прокатилась над костром, а Феррос направился ко мне. Я на всякий случай встала и попятилась к деревьям.

– Добрый капитан Феррос изволит шутить. Я весь в чертовке, не хочу портить аппетит вашей компании.

Неожиданно Феррос скакнул через костер и схватил меня за запястье.

– Скидывай одежду, малец. – Он дохнул перегаром мне в лицо. Запах свалил бы лошадь. Доблестный капитан был изрядно пьян.

Я попыталась вырваться, но Феррос, словно клешней, сжал мою руку.

– Давай же, сладкий наш. Будь хорошей девочкой. – Свободной рукой он рванул ворот моей рубашки.

Треск рвущейся ткани заполнил все вокруг. Нет, не треск – крик ткани, ее агония. Я слышала этот звук по ночам все последние годы, стоило лишь закрыть глаза. Это был особенный для меня звук.

Я не знаю, как мне удалось вырваться из лап капитана, схватить лежавшую рядом с одним из солдат саблю и рубануть наотмашь. Феррос, однако, успел отвести лицо. На его скуле тут же заалел порез. Вскрикнув: «Щенок!» – капитан выхватил короткий кинжал и сделал ответный выпад.

Я могу быть очень быстрой, когда захочу. Поэтому Феррос промахнулся. Метил он явно в грудь, но его атака, как и моя, не увенчалась успехом. Лишь на правом рукаве, вокруг проделанной клинком прорехи, у меня выступила пара багряных капель. Боли я не чувствовала, только легкое головокружение и нескончаемый треск ткани в ушах.

Ферроса уже держали за руки его товарищи, не давая кинуться на меня снова. Он чертыхался, но, вроде бы, уже не собирался меня убивать. Драки в легионе не поощрялись. Исключений не делали ни для простых солдат, ни для командиров.

– Убирайся! Вон пошел, чтоб я тебя больше тут не видел, сукин ты сын. Посмел поднимать оружие! На меня! Щенок!..

Я пошла прочь, а за моей спиной затихали крики разгневанного Ферроса. После его удара со мной случилось что-то странное. Меня мутило, а голову словно заволокло туманом. Мысли метались в голове: «Надо промыть рану, надо к реке». Туда я и пошла на странно ослабевших ногах.

* * *

Ноги заплетались, а желудок крутило. Что-то происходило с моим телом, но что? Жутко хотелось и пить, и спать, и просто прилечь и не шевелиться.

Реку от лагеря отделяла полоса прибрежных ив. Я пробралась сквозь них, раздвигая ветви при свете молодой луны. Разум горел, но в нем медленно ворочалась мысль о том, что меня ранили, а раны всегда следует промывать.

Выйдя на берег к мелководью, где днем набирают воду под нужды легиона, я споткнулась и упала на колени в двух шагах от воды. Руки дрожали на белом кварцевом песке, проваливаясь в мягкую жижу. Я лишь успела приподнять шлем, как меня вырвало скудным завтраком. Сразу за этим желудок свела сильная судорога. Уже на четвереньках я доползла до кромки воды и зачерпнула песка и влаги. Промыла рот и подбородок. Живот снова свело. Шлем жутко мешал, но сил снять его у меня не было.

– Знаешь, я прихожу сюда каждую ночь любоваться звездами. Здесь тихо и никого нет. Но смотреть, как блюет какой-то выпивоха, в мои планы не входит. Меня это... бесит.

Я приподняла голову, чтобы посмотреть на говорившего. На валуне возле воды сидела крупная фигура. Тень от деревьев скрывала от меня моего собеседника. Однако, когда человек чуть шевельнулся в темноте, слабая луна осветила белозубую улыбку. Весьма недобрую, как мне показалось.

— Я вообще не люблю, когда меня что-то бесит.

Прежде чем тень направилась в мою сторону, я успела сказать лишь одну фразу:

— Я не пил...

После чего рухнула лицом в воду. Мимо в серебристой воде проплыла маленькая рыбка. Я понимала, что тону около берега — на глубине двух пальцев. Но руки и ноги были мне уже неподвластны. Вдохнуть воду и закончить все было бы так просто. Я закрыла глаза, ведь мне очень хотелось спать.

#Бусина вторая

Я очнулась от резкой боли. Все мое тело трясло, а в живот упиралось что-то острое. Я не сразу сообразила, что перед глазами у меня мелькает дорога и чьи-то сапоги. Некто нес меня на плече. Кто-то высокий. Тень, знакомый голос...

Когда моей щеки коснулось что-то холодное и я скосила глаза, все сомнения разрешились. Такой широкий и огромный меч с прокаленным черным лезвием во всей армии был только у одного человека. Кажется, я помешала созерцать звезды генералу Атосу и теперь он куда-то меня нес, перекинув через плечо, словно мешок.

Боль не была случайной: я лежала на его шипованном наплечнике и он упирался в живот. Желудок снова свело, и не будь он пуст, меня бы снова вырвало. Возможно, даже на спину генерала. Но ему повезло, так что я только тихо просипела – сил не было даже на стон.

Меня внесли в какую-то палатку и грубо кинули на походный тюфяк. Горела сальная свечка, отвоевавшая у темноты небольшой кусочек света.

– Док. Тут что-то странное. От этого парня не пахнет выпивкой, но у него отнялись руки и ноги, и он заблевал полреки.

Я не видела, с кем говорил Атос. Да и самого генерала тоже. Голова так неудобно завалилась набок, а поднять ее не было сил.

– Припадочный, может, – ответил откуда-то из тени старческий с хрипотцой голос. – Тебе-то что за забота?

– А вдруг у него какая-нибудь зараза? – Видимо, последнего слова для собеседника было достаточно. К койке, кряхтя, подошел старик. Волосы серебристым венцом росли лишь вокруг головы, оставляя посередине изрядную лысину, а глубоко посаженные глаза с интересом изучали меня.

– Так, посмотрим, что тут у нас, – прошептал старик и протянул руку к моему шлему.

Правило номер один: никогда не забывать про шлем! Моя рука, только что казавшаяся обессиленной, резко метнулась к шлему и натянула его до подбородка.

– Ух ты. – В круге света появилась растрепанная голова Атоса. – А он гораздо живее, чем я думал. Шлем он явно отдавать не хочет.

– Ладно. – Голос старика вдруг зазвучал серьезно и грустно. – Проваливай, мальчик. Иди поруби кого-нибудь в куски. У тебя это лучше получится.

Атос пожал плечами и исчез из поля зрения. Я услышала лишь, как прошуршал покров, прикрывавший вход в палатку. Опасность миновала, но я все еще не могла разжать пальцы, сжимающие шлем.

– Яд... – проговорила я. – Рана... Плечо... – И снова потеряла сознание.

* * *

Мне снился паркетный пол, начищенный до такого блеска, что в нем, как в зеркале, отражалась красивая пара. Я слышала их смех. Сначала казалось, что они просто танцуют. Но потом пришло осознание, что это не так. Это не танец... Мелькали шпаги, слышалось учащенное дыхание. Молодые люди сражались и смеялись.

Я пыталась закричать и предостеречь девушку. Но рот заполнила холодная речная вода. И вот я уже в реке, и сквозь толщу воды проступило лицо демона с пепельными волосами. Он сказал, что не любит, когда его бесят.

* * *

Когда я проснулась, снаружи уже рассвело. Свеча догорела, а в палатку пробивался слабый сероватый свет. Мне было легко дышать, и живот почти не болел. Что бы ни сделал лекарь, он помог. Я аккуратно повертела головой, убедившись, что и она на месте. Взгляд упал на плечо: ровные чистые бинты покрывали вчерашний порез, светясь непривычной белизной сквозь разрезанный рукав рубашки.

Я была цела и в сознании, но что-то было не в порядке... Но что... Шлем! Я испуганно завертела головой и увидела его за свечой... Я попыталась вскочить и схватить шлем, но лишь опрокинула огарок свечи и в бессильной ярости рухнула обратно на тюфяк. Откуда-то из темного угла палатки раздался надтреснутый старческий смех.

– Да не волнуйся ты так по поводу шлема. Я узнал о твоём секрете, как только Атос кинул тебя на мою кровать. Я, может, и не служу при дворе, но все-таки врач и могу отличить бабу в мужской одежде от солдата.

Я сглотнула, слюна оцарапала пересохшее горло, как камешки. Старик между тем приблизился.

– Если бы я хотел тебя выдать – сделал бы это еще ночью. Но ведь денег мне за это не заплатят, тогда какой прок? Если тебе хочется скакать по полям в поисках смерти вместо того чтобы с мужем пахать землю да растить детей, Идас тебе в помощь. – Старик приподнял мою голову и дал отпить какой-то горькой воды из плошки. На миг мне показалось, что меня снова вырвет, но желудок почему-то смирился с лекарством.

– Тебе повезло. Безоаровый порошок помог. Яд, видать, был дрянной. Был бы получше, я бы с тобой сейчас не говорил.

Я подняла на старика глаза:

– Спасибо... – Вместо нормальной речи послышался шелест, но громче говорить я не могла.

– Из спасибо, как говорится, ни поешь, ни выпьешь. Речь не об этом. Рана свежая, и получила ты ее в лагере. Значит, тут кто-то ходит и режет своих же людей отравленным клинком. Мне нужно его имя.

– Офицер, – прошептала я. – Нельзя...

– Можно, – жестко произнес старик. Дальнейшие пререкания были бесполезны, и у меня не осталось на них сил... Думаю, его и вправду мало волновали последствия такого доноса для меня.

– Феррос...

– Я мог бы догадаться. – Старик направился к выходу. Около покрывала-двери он обернулся. – Послушай, девочка. Я не из тех, кто дает советы даром, но ты слишком молода, чтобы думать своей головой. Либо стань сильной, чтобы защитить себя, либо стань отчаянной трусихой, чтобы не попадать в неприятности. Не будь посредине, как сейчас, это самый опасный путь.

Он вышел, а я лежала в полутьме и думала, что трусиха из меня вышла весьма плохая.

* * *

Каждый шаг в жизни – это выбор. Вставать или не вставать с кровати. Пойти одной дорогой или другой. Один выбор не сильно влияет на нашу жизнь, другой становится точкой невозврата. Иногда мы вынужденно выбираем, в другом случае – мы сами решаем, что время пришло.

Два дня прошло с того вечера, как Феррос оцарапал мне плечо отравленным клинком. Два дня я валялась в палатке лекаря и много думала. Как ни смешно звучит, я впервые думала так много. О том, как устала от того, что не в силах повлиять на что-либо во время боя. Как меня замучила необходимость прятаться от всех легионеров, постоянно отмалчиваться, терпеть воровство и хамство.

В один из первых дней в легионе, когда я шла на завтрак, меня нагнал пьяный солдат. Он рывком развернул меня и ударил кулаком по шлему так сильно, что я улетела в канаву. У него не было причин ненавидеть меня, мы даже не были знакомы. Просто он был пьян, у него было плохое настроение и он мог это сделать. Он мог.

Он не сказал ни слова, просто развернулся и пошел дальше. А я лежала в канаве и пыталась остановить кровь из носа, вперемешку с соплями и потом, стекавшими по подбородку.

Определенно, в тот день я сделала один из выборов – остаться тут, несмотря ни на что. И вот в палатке лекаря я приняла еще одно решение, которое, вполне возможно, убило бы меня быстрее, чем служба в снабженцах. Но просто пришло время.

Я стояла около синего шатра Атоса с самого рассвета, ожидая, когда же генерал выйдет. Время подходило к полудню, но внутри не раздавалось ни единого звука. Я даже забеспокоилась, не перепутала ли я шатер. Еще пять минут, ну ладно... не пять, а десять.

Атос стремительно вылетел из палатки и куда-то пошел своим широким шагом. Для человека его роста и комплекции он двигался поразительно быстро. Я даже не сразу опомнилась, но потом окликнула его по имени и званию. Он развернулся и нахмурился.

– Ты... тот парень. – Мимолетная ухмылка скользнула по его лицу. – Благодарить не надо. Я думал, что у тебя заразная болезнь. – Он уже развернулся, чтобы продолжить свой путь, но у меня были другие планы.

– Я здесь не благодарить. Я... – Слова застыли в горле, но пути назад уже не было. – Я хочу, чтобы вы взяли меня в ученики, генерал.

Атос тоже застыл и часто заморгал. Он, кажется, был не менее ошарашен моей дерзостью, чем я сама.

– В ученики, что?.. – Ухмылка вернулась на его смуглое лицо. Вместе с ней вернулось и самообладание. – Я никого не учу, парень, никогда. Я генерал – вы солдаты. Попроси о тренировках командира отряда...

Но я не собиралась отступать так легко. Из меня все-таки выходит плохая трусиха.

– Не парень. Я – Лис. Для обычных солдат сойдет и командир, а мне нужно лучшее. И вы – лучшее в этой армии.

За нами уже начали наблюдать несколько любопытных бездельников. Трудно было судить по лицу Атоса, что он думал. Полные губы сжались в тонкую линию, а глаза сверкали из-под густых пепельных бровей. Может, мне лишь казалось, но мое нахальство начало его забавлять. Не худший исход.

– Так, ребенок, Лис там или Хренолис. В одном ты прав – я лучший. Зачем мне ученик вроде тебя, жалкий солдат, которого умудрился проткнуть такой дурак, как Феррос?

Пришло время рискнуть всем. Я прекрасно знала, что следующие мои слова запросто могут стоить мне головы. Но сейчас уже было поздно, я сделала выбор.

– Вы хороши, но вы медлительны.

Разговоры вокруг стихли. Теперь все взгляды в радиусе десятка метров были обращены на нас. Вернее, на Атоса. Генерал молчал. Чтобы порвать эту страшную тишину, я продолжила.

– У вас мощные удары. И точные. И двигаетесь вы быстро. Беда в том, что в самой технике боя вы медленнее. Меч не поспевает за телом... – Я замолчала, давая Атосу возможность переварить мою дерзость.

– Ты хочешь сказать, что и ты сможешь научить чему-то *меня*? *Меня*? – Глаз не было видно, так как Атос по-бычьей опустил голову. Его лохматая челка скрыла лицо до половины. Голос его звучал очень напряженно.

– Да. Я... Единственное, чем я могу похвастаться, – это скорость. Феррос застал меня врасплох. Сегодня я выспался...

Но договорить мне не удалось – генерал начал движение молниеносно. Он не предупредил меня о начале драки, не попросил зевак расчистить место. Просто выхватил меч и резко скакнул ко мне. Лезвие просвистело в паре сантиметров от моей головы, но я увернулась. Мне было что терять, мне было что приобретать. Если я хотела жить, я должна была справиться с той бедой, в которую сама себя втянула.

Меч свистел с какой-то жуткой скоростью. Может, я зря поверила слухам? Может, Атос просто не дерется в полную силу на поле боя, а сейчас выложится по полной, решив проучить наглого мальчишку? Что если я не успею, что тогда? Присесть, отскочить, увернуться. У меня нет с собой оружия и единственная моя защита – скорость. Атос махал мечом, как Войя, не обращая внимания ни на что, кроме цели. Генерал просто прошелся по сидящему на земле солдату, чтобы достать меня. Движения были четкими, отработанными. Справа и слева меч задел мои бриджи, мгновенно надрезав тонкую ткань.

На мысли времени не оставалось – только движения. Он. Меня. Убьет. Единственное, что вертелось в голове. Отступать было некуда, за спиной высился частокол лагерь. Не убежать, если только...

Словно обрывки чужого сна в голове пронесли слова старого мастера: «Если за спиной препятствие, а впереди враги, остается только один способ». «Сдаться?», – спрашивает девичий тонкий голосок, такой незнакомый. Тихий смех: «Нет, надо научиться летать».

Я никогда такого не делала, но, возможно, этот трюк просто ждал сегодняшнего дня. На губах Атоса уже не играла усмешка, это был волчий оскал с ровными и белыми клыками. Его, кажется, злило то, что я все еще жива. За моей спиной торчали врытые в землю бревна, а передо мной была сама смерть в облике генерала. Его последний выпад был великолепен: со стороны наверняка выглядело даже артистично. Он нацелил лезвие ровнохонько мне в грудь. Я оперлась каблуком о бревно за спиной и оттолкнулась со всей силы. Возможно, исполнить подобное помогла вовсе не сила, а надежда и желание.

Меч вошел в бревно, а я ухватила Атоса за плечи. Остальное сделали инерция и гибкость тела. Я выполнила прямую стойку на его плечах и заглянула в глаза генерала: светло-голубые и широко распахнутые от удивления. Это мгновение, наверное, застыло в воздухе. Он стоял, задрал голову, и смотрел мне в глаза, а я на вытянутых руках, упираясь в его плечи, смотрела ему в лицо. На это мгновение меня охватил ужас, но... По правде, мне никогда не было так страшно и... весело. Это мгновение мира в душе, осознание того, что я чего-то стою.

Но миг закончился, а сила тяжести взяла свое. Тело завершило прыжок, и я приземлилась в мягкую траву. Как только я встала, жесткий холодный металл отшвырнул и прижал меня к частоколу. Как будто и не было этого удивительного прыжка. Атос прижал меч плашмя к моему горлу. Я судорожно вспоминала хоть каких-нибудь богов, чтобы произнести короткую молитву.

Генерал тяжело дышал и был, по всей видимости, в ярости, но не спешил резать мне глотку. Странно, я и не думала, что этот короткий бой его так утомит. Какой смысл был сейчас скромничать? Я прямо посмотрела на него, и хотя уже не видела глаз из-под челки, но знала, что они светло-голубые. Почему-то это знание заставило меня улыбнуться.

– Лис, значит... Считай, что ты меня удивил, пацан, – медленно произнес Атос. – А я редко бываю удивлен. Уклоняешься ты хорошо. Так чему же ты хочешь научиться?

Ответ на его вопрос я знала уже давно, может быть, даже слишком давно. Последние полгода в тавернах, кабаках, лесах, канавах – везде я готовилась ответить на него.

– Уклоняюсь я хорошо, – повторила я его слова. – Но хочу научиться не уклоняться, а держать удар... и давать сдачи.

* * *

Это только в сказках главный герой получает мудрого мастера и за считанные дни становится лучшим мечником страны. На деле же это тяжело и больно, и мудрого мастера нет. Есть только вспыльчивый и гордый парень, который каждую тренировку пытается тебя убить. Как-то так можно описать наши занятия.

Уговор был такой: каждый день, не важно – дождь, снег, да хоть ураган – мы встречаемся на тренировочной площадке и проводим там два часа. В первый же день там собралось человек пятьдесят: всем было любопытно, как именно меня будут крошить на кусочки. Атосу интерес зевак не понравился, он просто сломал одному из зрителей руку. Вот такой молчаливый намек был всеми понят, и тренировки продолжились уже без свидетелей.

Мне был выдан солидный и тяжелый меч, который Атос окрестил «зубочисткой». Первый же удар моего учителя по нему вывихнул мне плечо. Кричать от боли было страшно, но держать меч я уже не могла. Генерал посчитал, что к лекарю бежать не нужно, и еще минут пятнадцать вправлял мне плечо сам.

Вывихнутое плечо – это, конечно, очень больно. Но когда его вправляет человек далекий от медицины – боль возрастает десятикратно. Атос упер меня лицом и грудью в дерево, зафиксировал свою ногу на моей пояснице и начал крутить моей безвольной конечностью. Я не выдержала и заорала, за что получила первый подзатыльник.

Издевательство продолжалось четверть часа, после чего я почувствовала, что снова могу шевелить пальцами. Вот только желание ими шевелить у меня совсем пропало. Когда я направилась к выходу с боевой площадки, Атос положил мне руку на плечо:

– Куда это ты собрался? Два часа еще не прошли.

– Но я... Э... лекарь. – Я разглядывала носки своих сапог, словно провинившийся школяр. – Мне нужен лекарь... наверно...

– А на поле боя ты тоже попросишь врага остановиться и подождать? – Его голос звучал тихо и угрожающе. – Скажешь: «Дяденька, не убивайте меня – мне нужна повязка и ледяной чай»? Да, ты так думаешь?

Атос схватил меня за вывихнутую руку, и я заорала от боли... Про себя. Сжимая губы, кивнула и вернулась на поле. Первый урок был получен – в тот вечер я держала меч в левой руке.

* * *

На второй неделе занятий мы чистили оружие после тренировки около синего шатра Атоса. Разогретый от трения камень будил приятные воспоминания о детстве. С той битвы с Белыми Лилиями легион сидел без работы, поэтому мы могли себе позволить и все эти тренировки, и вечернюю неспешную чистку оружия. Я удивилась, что Атос пригласил меня разделить этот ритуал с ним. Как выяснилось, приглашение было с подвохом.

– Мне вот интересно, – генерал правил меч резкими и точными движениями. – Твоя стойка, боевая позиция. В армии бы так не научили. Не у нас в легионе точно. Ты из дворян?

Отпираться смысла не было. Тем более, я могла не врать, а рассказать правду без особого ущерба своей легенде:

– Не совсем. Я рос в замке, был сыном оружейника. Вместе с хозяйскими детьми меня учили владеть оружием.

Атос кивнул, словно лишь подтвердил свою догадку. Он не стал спрашивать, что именно произошло и почему я лишилась дома. В легионе было не принято выпытывать прошлое.

Затачивая лезвия, мы замолчали. Каждый думал о своем – я о том, что не знаю почти ничего о прошлом Атоса. Известно, что он из Края – да это и так видно по цвету кожи. Рано начал бродить с бандами и воровскими шайками. Авторитет зарабатывал грубой силой и дерзким поведением. Был признан и вышел в лидеры, но, видимо, хотел большего, чем просто мелкие набеги.

Где-то лет в пятнадцать встретил Алайлу и Крамера, которые уже составляли костяк легиона Алой Розы. Из всей троицы только он обладал талантом вести за собой людей в гущу сражения, порой даже безнадежного. Конечно, и Алайла, и Крамер имели лидерские навыки и пользовались уважением. Но Атос был сердцем битвы, безумным демоном с мечом. Без него история легиона могла сложиться совсем иначе.

Вот и все, что я знала о своем молодом учителе. Кто он, почему покинул дом, почему он так нелюдим и не завел себе хотя бы полевую жену, откуда в нем столько звериной ярости и жажды к бою? Все это было тайной. И в количестве тайн на сантиметр тела мы были очень похожи.

Атос прервал мои размышления. Он уже закончил заточку своего гигантского меча и поднялся, чтобы удалиться в шатер:

– Лис, забудь все, чему тебя учили эти полотеры. Гуща битвы – не танец аристократов. Не изысканные «па» ножкой и ручкой. Это скорость реакции и отсутствие морали. Сейчас ты не в замке, и единственное место, где могут оценить твои выверты, – деревенские пляски. Завтра в два.

И он ушел. А я про себя произнесла: «Урок номер два».

* * *

Мои ночи стали спокойнее, а ужины сытнее. После нашей первой тренировки Атос отвел меня к новому костру. Это было что-то вроде приказа: теперь ты ночуешь здесь, и это не обсуждается. Хозяином костра был Кэрк, молодой капитан с рыжими короткими волосами и усыпанными веснушками лицом и руками.

Народ здесь вполне соответствовал нраву хозяина: молодые парни, мечтатели и романтики, которых каким-то случайным ветром занесло в легион. Здесь было мало выпивки и много смеха. Я и не думала, что в нашем лагере есть места, подобные этому.

Вспоминая историю с Ферросом, поначалу я старалась держаться незаметно. Но потихоньку сама втянулась в жизнь «костра Кэрка». Я стала общаться и даже... снова начала смеяться. Совсем позабытое ощущение.

Не думаю, что ко мне было особое отношение из-за мнимого покровительства Атоса. Просто здесь жизнь текла по другим законам. На общих тренировках многие из этих ребят показали себя хорошими бойцами: они не были рохлями и в обиду себя не давали. Но любую ярость и агрессию, любую жестокость они оставляли за пределами освещенного огнем круга.

Самым главным действием вечерних собраний были истории. Каждый день выступало по одному рассказчику. Все, кто приходил к костру, должны были рассказать что-то, без исключений. Это не были солдатские байки или истории о непристойных похождениях. Хотя никто не был вправе диктовать рассказчику тему, почему-то все повествования были схожи.

Там присутствовали тайна, приключения, магия. И каждый раз история оставляла странное тоскливое чувство недосказанности.

Кто знает, может, все эти рассказы были выдумкой, но на те короткие часы, когда перед нами вырисовывался призрачный мир со своими героями и злодеями, нам хотелось стать его частичкой. И мы погружались в него с головой.

Одна из первых историй, которая врезалась мне в память, была байка Хейза. Молчаливый мужчина с черной бородой, более всего похожий на бандита, но при этом очень уважаемый среди молодежи костра, редко участвовал в общем веселье. Его рассказ, мрачный, как и он сам, холодком проникал в душу с каждым словом.

История Хейза:*Легенда о проклятом копейщике**

Вы все знаете, что это был самый настоящий человек. Говорят, он служил в легионе Багряной Гвоздики, который распался сто лет назад. Помните, было союзное государство на северной границе с Королевством? Раньше оно называлось Элдтар. Этот парень был как раз оттуда. Простой крестьянин, которому надо было кормить семью, – вот он и ушел в легион, надеясь заработать немного деньжат. Дома, в маленькой хижине с зеленой камышовой крышей, он оставил стариков-родителей и сестру, совсем еще дитя.

Время шло, он учился, много тренировался и с годами стал неплохим копейщиком. Особо хорошо ему давался бой с торорой. Кто из вас не знает – это такое северное копье, у него с тупого конца крепится вдоль древка лезвие. Северяне им потрошат дичь или что-то вроде того. В общем, наш парень со своей торорой помотался лет десять по чужим землям, участвуя в разных сражениях, и решил навестить родню.

Но когда он вернулся, то нашел лишь руины. Вся его родная деревня была уничтожена, да и похоже, уже давно. Как рассказали жители ближайших поселений, король Элдтара проезжал мимо и сильно разгневался на местного старосту за плохо оказанный прием и скудный стол. В итоге королевская гвардия стерла деревню с лица земли.

С той минуты покой покинул копейщика, он не мог больше ни есть, ни спать. Единственным его желанием стала месть королю за гибель родных. И он начал действовать. Стал служить еще усерднее, убивать изощреннее, везде превозносить имя короля и его божественную власть.

Скоро слухи о таком искусном воине дошли и до самодержца. Он решил, что подобный боец пригодится ему во дворце – так копейщик попал в святая святых. У него была тысяча способов убить короля, но ему это казалось слишком милосердным. Он думал дни и ночи, как же причинить убийце своих родных боль посильнее. Вы знаете, нет опаснее человека, одержимого жаждой мести. Он медленно варится в своем безумии и перестает принимать действительность такой, какая она есть. Неясно, пришло ли сумасшедшее решение к нему во сне или родилось во время дневной вахты. Однако идея его была дикой.

У короля была прекрасная дочь – юный цветок лет четырнадцати – сокровище и гордость старого вдовца. Копейщик был красивым мужчиной, чья доблесть была известна всему дворцу, и ему не составило большого труда соблазнить девочку. Король узнал о преступной связи, но власть

дочери над отцом была столь велика, что копейщик не лишился головы и даже не был заключен в тюрьму. Отношения продолжались под покровом ночи. Король умолял девочку одуматься, слухи бурлили, а копейщик выжидал. Случилось то, что и должно было произойти. Принцесса понесла. И в определенный природой срок родился чудесный малыш. Король стал дедом бастарда, и хотя признать ребенка без отца наследником престола было невозможно, старик души не чаял в малыше и осыпал его дарами, старательно избегая непрошеного «зятя».

Минуло год и два. Принцесса все отказывалась от законного брака с представителями своего круга, отдавая тело и душу копейщику. Малыш-бастард рос добрым и открытым ребенком, и даже король начал оттаивать к копейщику. Казалось, еще чуть-чуть – и копейщик получит власть, а его сын станет престолонаследником. Однако на третий день рождения мальчика копейщик явился с торорой.

Нельзя сказать, что он не любил принцессу и ребенка. Просто они были частью его плана мести королю. За годы под крышей дворца он ничего не забыл и не простил. На глазах старика он сначала убил малыша, а потом принцессу. Он не мучил их – может, этим и выразил свою любовь. Все произошло быстро. Король обезумел от горя, но копейщику было важно объяснить старику, из-за чего он сделал то, что сделал. Он напомнил рыдающему над телами королю про маленькую деревню, про мирных жителей и их скудные запасы. Про своих близких.

Внезапно король начал смеяться, словно одержимый. Копейщик подумал, что старик сошел с ума. А тот, продолжая обнимать еще теплые тела дочери и внука, рассказал правду о гибели его родного дома.

С тех пор как еще юным парнем копейщик покинул деревню, с продовольствием там стало совсем плохо. Засуха уничтожила весь урожай на полях, высохли и плодовые роци. Взрослые жители придумали варварский способ поправить свое положение: они стали продавать своих детей – мальчиков в легионы и рабство, девочек – на потеху солдатам. Король, проезжая мимо деревни, увидел, как маленькую девочку собирались изнасиловать возле дома с зеленой камышовой крышей. Ее родители продали малышку за пару монет. Гвардейцы монарха спасли девочку, а затем предали смерти всех взрослых деревни – за то, что они сотворили со своими детьми. Деревню сожгли, а детей забрали в столицу на воспитание в приюты. Маленькую девочку из дома с камышовой крышей, чье несчастье тронуло венценосного и одинокого старика, король взял к себе и воспитал как родную дочь.

Копейщик убил не просто свою любовницу и мать своего ребенка, он убил родную сестру, спасенную королем от жестокой участи. Его сын был его же родным племянником. Кровь его крови.

Король потерял рассудок и лишился престола, власть захватил кто-то из его близких. Сейчас вы не найдете Элдтара на картах – пограничные страны быстро завоевали королевство, растащив его по кускам. Копейщик же исчез. Говорят, он иногда возникал то в одной битве, то в другой. Но на какой бы стороне он ни воевал, словно дьявольская тень он нес с собой невероятную жестокость и разрушения без малейшей жалости, что к врагам, что к союзникам.

Этот человек убил все, что было в нем человеческого. Причины для жизни у него не было. Но говорят, что умирать он тоже не хотел – боялся встретить пред престолом богов свою сестру и маленького сына и взглянуть им в глаза.

* * *

Я сидела на бочке, полной налитых красных яблок и, свесив ноги, наблюдала за ежедневным бритьем Атоса. Он не отращивал бороду, в отличие от многих солдат в легионе, то ли слишком ленивых, то ли просто считавших, что растительность на лице делает их более мужественными. А может, дело было в ритуалах мужчин с его родины.

Так или иначе, каждое утро Атос перед синим шатром доставал свой большой тридцатисантиметровый охотничий нож и, используя вместо зеркала начищенный щит, подвешенный на палатку, начинал сбривать пепельную щетину.

Для меня в этом было что-то мистическое, присущее только миру мужчин. Гуляя с утра по легиону, я случайно стала свидетелем этого короткого, в общем-то, действия. Но меня с тех пор как магнитом тянуло к шатру Атоса. Сначала он старался не замечать моего навязчивого любопытства, потом озверел и с бранью меня прогнал: раз, второй, третий. Затем смирился. Я все равно приходила. Даже себе я не могла объяснить, зачем намеренно вызываю его гнев. И вот я стала постоянным гостем его бритья, и он, кажется, привык к тому, что утром я кручусь где-нибудь поблизости и меня можно отправить то за чистыми полотенцами к лазарету, то за водой к реке.

Сегодня он был в особенно хорошем расположении духа и даже что-то напевал себе под нос. Я заметила, что он искоса поглядывает на меня.

– Лис, а ты вообще когда-нибудь брился? Я гляжу на тебя и твой гладкий, торчащий из-под шлема подбородок, и пытаюсь понять, росло ли на нем хоть что-нибудь?

Я помотала головой и, в общем-то, не солгала. Для женщин бритье носило иные, гигиенические меры. Моя мать, подобно многим приверженцам культа Сефирь, сбривала волосы в подмышечных впадинах и интимных местах и учила тому же меня. Но лицо мне брить не приходилось. Поэтому легионер Лис покачал головой.

– М-м-м... – Атос смутился, но затем развернулся ко мне с половиной намыленного лица. Сейчас он выглядел как подросток, застигнутый неприятной обязанностью объяснять младшему товарищу, откуда берутся дети. – Может быть, хочешь, чтобы я тебя научил?

Это было очень мило. Правда. И я бы с радостью поучилась бриться. Но проблема была в том, что я никогда не снимала шлема. Во мне начали борьбу два чувства: желание ответить на дружеский жест Атоса и паническое стремление убежать и спрятаться. Увы, единственное, что я могла, – это опустить голову и молчать.

Мой учитель сам вывел меня из этого глупого положения:

– Я вспомнил. В легионе говорят, что у тебя чертовка, поэтому ты и не снимаешь шлем. Так?

Я кивнула. Да, в легионе именно это и говорят. Они говорят, а не я. Мне не хотелось без нужды врать Атосу, хотя все наши отношения были густо замешаны на неправде.

– Ты сегодня молчаливый... – Он отвернулся к щиту и продолжил резкими движениями сбривать со щек ровные полоски мыла.

– Мне все говорят, что я в мать, – с трудом выдавила я. – Волос нет не только на лице, а на всем теле. А чертовка... от нее, в общем, тоже волосы выпадают. – Чтобы подкрепить свои слова, я закатала штанину и показала гладкую коленку. Обернувшийся Атос даже прищелкнул.

– Что ты вообще забыл в легионе, парень? – Он подошел ко мне, так и не смыв до конца мыло со щек и подбородка. Волосы тоже намокли и топорщились сильнее прежнего. Внезапно крайние схватил мою руку и нажал большим пальцем в середину ладони, раскрыв мои пальцы. Так в детстве я, играя, надавливала на мягкие лапки кошек, чтобы они показали коготки.

– Твои руки – девчачьи руки. Они не созданы для меча. – Он поднял мое запястье, всматриваясь в него, словно ища там какое-то профессиональное клеймо мечника. – Жилы, мышцы, само сложение. Для тебя есть много прекрасных работ: портной, ткач, ювелир – много гдегодились бы твои тонкие пальчики.

Я резко выдернула руку и прыгнула с бочки. Разговор зашел в опасную область.

– Я здесь, и вы выучите меня. И теперь это и ваша задача, чтобы эти нежные ручки научились убивать не хуже грубых ручищ.

Я боялась, что он разозлится, но он только рассмеялся.

– И голос у тебя писклявый, Лис. Ты хоть писаешь-то стоя?

– Стоя, – густо краснея под шлемом, солгала я. Это была первая полноценная ложь за весь этот разговор.

– Никто не видел, так что не доказано. – Он широким жестом сбрил последнюю полоску мыла, пропустив лишь кусочек пены за ухом.

– А вы тоже, когда идете по малой нужде, собираете вокруг команду, чтобы все посмотрели на... на... на это?

Я ожидала, что у Атоса все-таки лопнет терпение, но вместо этого он и сам покраснел, причем яркие краски стыда выступили у него только на скулах. По бегаящим глазам я поняла, что он смущен темой нашего разговора не меньше меня. Генерал, но все же двадцатилетний мальчишка.

– Нет, – наигранно грубо произнес Атос. – Я предпочитаю ходить один.

– Именно, – гордо заявила я, считая точку в разговоре поставленной. Маленькая победа, правда, я так и не поняла, в какой именно войне.

Затем я встала на цыпочки и пальцем собрала пену из-за его уха. Девушке из замка с руками, созданными для ткачества и тонких работ, и в голову бы не пришла такая фривольность. Но Лис из легиона Алой Розы был тот еще сорвиголова. Он сдул пену и засмеялся. И Атос, грозный командир трех тысяч солдат и чума боевого поля, краснеющий как мальчишка, засмеялся вслед за ним.

#Бусина третья

Хотя наши беседы и стали интереснее, но на моих боевых навыках это никак не сказалось. Тренировки были бесполезны, и с каждым днем это становилось все очевиднее. Мне не хватало силы не то что на нападение, но даже на банальную защиту. Самой удачной попыткой отразить удар Атоса стала та, при которой я удержалась на ногах – и то лишь потому, что, вспахав сапогами добрый участок земли, я уперлась спиной в ограду тренировочной площадки.

Атос не сдерживался, когда нападал на меня на тренировках. Конечно, в его атаках было меньше ярости, чем в наш первый бой, но, Войя подери, он совсем меня не щадил. Этим бы он оскорбил себя, да и меня, пожалуй, тоже. Его огромный меч и та сила, которую он вкладывал в каждый свой удар, раз за разом отбрасывали меня, словно пушинку. Точно невидимая стена, передо мной каждый раз вставала мощь Атоса, и я никак не могла ее преодолеть.

Кипевшее во мне море ярости сменилось океаном безысходности. Мы не могли быть партнерами по поединку, не могли быть друзьями – и я все больше чувствовала себя огороженным пугалом, на котором он оттачивает свои боевые навыки.

– Тебе не хватает чего-то. – На третьей неделе Атос высказал то, что было ясно нам обоим. Удивительно, что генерал не сказал этого раньше, учитывая его нетерпеливость во всем.

– Чего же?

– Не знаю. Каждый ведь дерется за что-то свое. – Он пятерней взлохматил свою и без того взъерошенную голову, отчего стал похож на какую-то хищную птицу с носом-клювом. – Для кого-то основной мотив борьбы – ярость. Кому-то достаточно желания жить...

Раньше мне казалось, что и того и другого во мне даже с излишком. Во всяком случае, столько, что должно хватить на приличный бой. Вероятно, я ошибалась, поэтому и не ответила моему генералу ничего, а только продолжила рассматривать траву под носком сапога. Вся истоптанная – недолго она тут продержится, если мной продолжат пахать поле.

– Перерыв. Иди попей. – Атос безнадежно махнул рукой и двинулся к своему шатру.

Это был конец. У нас никогда не было перерывов. Генералу легиона надоела плохая игрушка. Я оказалась куда менее занятой, чем мы оба полагали.

Я направилась к походной кухне, чтобы выпить прохладной речной воды из запасов легиона. Внутри меня было так же пусто как внутри моей фляжки. В своих мечтаниях я, бросив все, сбегала из легиона. Куда угодно, лишь бы не возвращаться на тренировку. Именно на этих тяжких раздумьях в меня врзался какой-то солдат.

Это был плотный верзила с противной мордой. Ему было мало спихнуть меня с дороги, он с размаху поддал мне кулаком в спину – и я слетела с тропинки, ловя ртом воздух.

– С дороги, сучонок. – Здоровенный детина с соломой вместо волос и блеклыми рыбьими глазами не сказал, а просто прорычал эти слова.

– Господин... – Я поднялась с колен, переводя дыхание, и оттого говоря медленно и с паузами. – Не соблаговолите ли вы... повторить... что только что мне сказали?

Дубина, собиравшийся уже уходить, развернулся ко мне. Жажда поколошматить кого-то прямо-таки горела в его глазах. Раззявив беззубый рот в тупой усмешке, он рыкнул:

– Я сказал: «С дороги, су...»

Мой шлем врзался в подбородок этого «никчемы». Я почувствовала, что расшибла лоб, но сейчас меня это мало волновало. Солдат пошатнулся и с удивлением посмотрел на меня и даже занес кулак. Но все его движения были такими медленными.

Впервые за все время в легионе внутри меня, в самом моем сердце, что-то треснуло – со стоном раздираемой ткани. Я хотела научиться держать удар не из-за ярости или мести, не из желания выжить. Причиной всегда было лишь одно – я презирала свою слабость, которая позволила другим управлять мной: ранить мое тело, насмехаться надо мной, унижать меня. Моя слабость была самым страшным моим врагом. И в лице этого увальня я увидела именно ее.

Выкрикивая что-то нечленораздельное, я повалила своего обидчика на землю и начала его бить. Не по-женски слабыми ударами ладошек в грудь – но по-мужски, кулаками, раздирая костяшки в кровь о его броню и лицо. Он отбивался, о да! Съездил по шлему, прошелся по животу. Я почти не чувствовала боли и лишь ожесточеннее молотила его. Один глаз залило кровью, капавшей со лба, а левая рука начала неметь, но это было именно то, что нужно. В пыли сейчас валялся не тупой грубиян, а моя слабость собственной персоной.

Внезапно кто-то подхватил меня под руки и поднял над землей. Я потрепыхалась словно рыба и затихла. Появилась возможность оглядеться: вокруг оказывается, собралась целая толпа. Они помогли подняться «жертве», которая с криками: «Он псих! Он безумец!», – потрусила, прихрамывая, прочь.

– Разошлись. Все. Сейчас. – Приказы Атоса, который держал меня, словно белье на просушку, не было принято обсуждать. Вокруг нас в мгновение ока стало пусто. Генерал опустил меня на землю и развернул лицом к себе.

– Это серьезное нарушение дисциплины легиона, и, кажется, ты напал на старшего по званию. Похоже тот верзила – сержант.

– Хреновый, значит, сержант. – Я шумно втянула носом кровь. Впервые выругавшись при Атосе, мне почему-то стало легче.

– И все же, Лис, в легионе так не поступают. Я отправлю тебя на гауптвахту.

Можно было постараться и подобрать нужные слова: извиниться, настаивать, что не я затеяла драку (хотя это было бы ложью), лебезить. Но я знала, что все это не сработает. Вместо этого я взяла Атоса за руку – еще один жест из прежней жизни. Мужчины в армии не берутся за руки.

А я вот взяла. И пошла на тренировочную площадку. Мне было страшно обернуться: Атос шел за мной молча, но водить генерала за руку, вместо того, чтобы следовать его приказу... я и вправду походила на «безумца».

– Сейчас, я покажу вам, генерал. – Дойдя до середины площадки, я достала меч. – Ради чего я дерусь. А также, что мне не нужны перерывы для того, чтобы попить. И что я могу держать удар.

Мне, наконец, хватило смелости поднять глаза на Атоса. Он стоял в трех шагах и выглядел весьма серьезным, доставая свой широкий меч. Я не стала ждать и, несмотря на то, что видела лишь одним глазом и почти не управляла левой рукой, кинулась на своего учителя.

Меч Атоса описал широкую дугу и схлестнулся с моим клинком. Зазвенел металл. Я стояла на месте и сдерживала его удар: на подгибающихся ногах, наплевав на правильную боевую стойку и навалившись на свой клинок всем своим весом. Лицо Атоса, обычно весьма равнодушное, сейчас посетило еще не виданное мной выражение – губы чуть подрагивали, а в уголках глаз обозначились морщинки. Не было сомнений, суровый генерал Атос, гроза битв и герой сражений, был мной доволен.

* * *

– Ну все-все! – Кэрк поднял свои веснушчатые руки в примирительном жесте. – Посмеялись и хватит. Хотя... Может, теперь все будем звать Лиса «Сокрушителем»?

Ребята опять расхохотались. Я бы тоже посмеялась, но мне было больно это делать. Все лицо опухло, и голова в бинтах заполнила почти весь шлем. Несмотря на упреки лекаря, я упорно натянула его поверх повязок. После драки с тем солдатом мне прилично досталось еще и от Атоса на боевой площадке. Левая рука болталась бесполезным камнем на перевязи.

Около костра Кэрка вечером только и было разговоров, что о моей драке. Парни одобритительно усмехались и хлопали меня по спине, – я только успевала подставлять под их ладони части тела без синяков.

Сегодня право рассказа было дано Сильвеллу. Вообще, это был не парень, а ходячая катастрофа. Лет двадцати пяти, высокий и худой как жердь, темные выующиеся волосы забраны лентой – таких пруд пруди в каждом городе. Так выглядят портные, подмастерья всех мастей, торговцы мелочами. Чем наш Сильвелл отличался, так это своим неумением избирать цель своей страсти и тайных воздыханий. А иногда и не очень тайных.

Каждый парень в армии знал, что в легион Сильвелл попал случайно. Путешествуя от одной купеческой дочки к другой, наш сластолюбец умудрился разозлить какого-то мелкого дворянина, приударив за его молодой супругой. В итоге Сильвелл оказался в бегах и решил скрыться среди солдат. Он не собирался бродить с легионом дольше пары дней, но на беду встретил генерала Алайлу, единственную женщину при должности в нашей армии. Хотя, как бойца ее не воспринимал всерьез ни один из легионеров, положение леди Алайлы в Алой Розе было священным. Алайла для своих солдат была живым божеством, а иногда именно такой символ и нужен неповоротливой махине легиона. И вот Сильвелл, влюбленным щенком бродил вместе с нами по стране в надежде на взаимность от холодной и недостижимой Алайлы. Ну, или до встречи очередной «любви всей его жизни».

– Ребята, с самой истории про проклятого копейщика идет одна чернота. Все кого-то убивают, потрошат и едят. Это надоело! Для разнообразия я расскажу вам добрую историю. – Голос у Сильвелла был приятный, глубокий и казался бархатным. Наверное, именно им он покорял своих дам.

– Ну и зачем ты это сейчас рассказал, – вздохнул Тэддо, младший из отряда Кэрка, четырнадцатилетний конюший. – Теперь никакой тайны...

– Тссс. Рассказчика не перебивают.

Рассказ Сильвелла:*Синяя Далия и ее белоснежные кружева**

Вам приходилось бывать в портовом городе Лароссе? Нет? Тогда вам определенно стоит его посетить. Сейчас там хорошо: улицы вымощены белым камнем, дома скрываются в прохладной тени грушевых садов, а к причалу подходят корабли со всех уголков мира. Чудесное местечко для торговли и отдыха. Но так было не всегда.

Еще шестьдесят лет назад город находился на грани выживания, на севере шла война. Хотя сам Ларосс не попал в осаду, но продовольствие войскам оттуда вывозили обозами. Количество кораблей, заходивших в порт, сократилось, и люди начали голодать.

Разумеется, всегда есть те, кому хуже всех: беспризорники, нищие, крестьяне и прочая шелуха, и те, кого голод мало касается даже в самые тяжкие времена. Аристократия Ларосса хоть и затянула пояса, но продолжала давать званые ужины с мясом.

Во время войны одни искусства угасают, а другие, наоборот, распускаются в полную силу. Те, кто бывал в городе, наверняка вспомнят

прекрасное здание библиотеки. Двухэтажный особняк из розового мрамора с мощными колоннами, украшенными причудливым резным узором из виноградных листьев. Так вот, на время войны все книги вывезли, боясь как набега врагов, так и мародерства местных жителей. И мраморная библиотека опустела. Но недолго эхо гоняло пыль в этом здании – вскоре залы заполнились самыми прекрасными на свете звуками: женским смехом и плеском вина. В бывшей библиотеке устроили городской бордель.

Среди девушек, работавших там, особенно выделялась прекрасная Синяя Далия. Свое прозвище эта тарасийка получила за руки, выкрашенные по локоть в цвет индиго. Пальцы, ногти, запястья – все было покрыто несмываемой яркой краской. На их родине это было знаком отличия. Чего? Лишь боги знают, может его выдают убийцам, а может величайшим ученым. Сами тарасийцы особо на эту тему не распространяются. В любом случае, в борделе было три Далии, и чтобы отличать одну от другой, тарасийку прозвали Синей, а двух других... что ж, история об этом умалчивает.

Далия была не просто красивой девушкой. Она была умной, могла поддержать разговор и всегда, в каком бы состоянии не валивался к ней клиент, предлагала ему чашку ароматного чая. Кто-то скажет, что продажные женичины в борделе нужны лишь для одной работы. Но мужчины поумнее, из тех, что собрались вокруг этого костра, поймут меня: иногда простое участие и готовность слушать дорогого стоят. Хотя, по слухам, Синяя Далия и в постели была словно огонь.

Бордель худо-бедно существовал, но девицы там много не зарабатывали, обслуживали клиентов за еду. Даже аристократы, захаживавшие ради общества Далии, не могли много предложить. В то смутное время все окрестные крестьянские хозяйства были разорены. Еду выменивали на приходящих кораблях, а уж морские торговцы знали, как заломить цену. За серебряный канделябр с вензелями можно было получить от силы три трески и бутылъ вина.

Однажды Далия, уже надевая платье, взглянула на свои синие руки и обратилась к своему гостю, местному крупному ростовщику, с очень странной просьбой. Чтобы объяснить ее, мне придется сделать небольшое отступление от истории и рассказать о женской моде шестидесятилетней давности. Тогда каждая знатная леди должна была иметь в гардеробе две вещи – шляпу с сотней разных перьев, чем пышнее, тем лучше, и кружевные рукава. Обычные полотняные рукава на платьях шли до локтя, и лишь потом к ним пришивали сменные кружева.

Ах, каких только кружев не водилось в Лароссе: из западных земель Тиля, из той же Тарасийи, с загадочного острова Симм... Все кружева были девственно-белыми – это было основным требованием. Но узоры различались, словно райские птицы – не было двух одинаковых. И каждая девушка из высшего общества просто обязана была иметь по три-четыре десятка пар таких сменных рукавов. А надевать одни и те же кружева два вечера подряд считалось дурным тоном.

Вернемся к просьбе Далии. Девушка созналась ростовщику, что она стыдится своих синих рук и хочет их спрятать. Вот она и попросила не денег и еды, а одни из кружевных рукавов его супруги или дочери. Далия клялась, что не посмеет выйти на улицу с этим подарком, и не попадется

на глаза законной хозяйке кружев. Но мечтает, хотя бы в здании, не видеть синевы своих рук.

Ростовщика тронула речь Далии. И как человек деловой он рассудил, что отдать пару рукавов определенно выгоднее, чем платить девушке едой или монетой. В гардеробе его благоверной супруги и юной дочери этих кружев висели десятки. Вернувшись в дом и поужинав, ростовщик пробрался в спальню и срезал пару рукавов с платья, запрятанного в глубины шкафа. С мальчишкой-посыльным Далия получила свою оплату этой же ночью.

Но история повторилась на следующий день. Уже другого клиента – зажиточного торговца – Синяя Далия попросила о таком же подарке. Разумеется, умолчав, что кружева она уже получила от банкира. И на следующий день, и на следующий. Кое-кто из ее клиентов, разумеется, отказывался, кто-то удивлялся и предлагал платня. Но девушка была настойчива и требовала кружева, кружева и еще раз кружева.

Получив подарок однажды, она спешила заказать его и на следующий раз. Так из гардероба супруги ростовщика, например, исчезли двенадцать пар отличных кружевных рукавов и рукавчиков. Еще двух пар лишилась его дочка. И с тех пор каждый посетитель Далии, либо начинал платить ей кружевом, либо не входил более в ее покои.

Самым загадочным оставалось то, что в кружевах Синюю Далию никто ни разу и не видел. Она все так же, смеясь, ходила в платьях вовсе без рукавов, звеня дешевыми браслетами на узких запястьях. И если какой из гостей по-дружески интересовался, куда исчезли все его подарки, у девушки всегда наготове был ответ: ту пару потеряла, а эту прожгла утюгом, еще одни рукава она спрятала до лучших времен и еще тысяча подобных историй.

Конечно, в конце концов, кражи обнаружили. Дамы, встречаясь на своих званных обедах и ужинах, сначала жаловались на память, потом на воровство прислуги, но наконец правда всплыла. Одного из незадачливых любовничков прижали к стене, и он сознался. Притом дурак умудрился заложить половину своих друзей (тогда о странной плате за услуги Далии уже знали все неверные мужья города).

Поднялась буря. Опозоренные жены, обворованные отцами дочери, благонравные матери, лишившиеся кружева, чтобы прикрыть свои усохшие ручки, – все роптали. Однако выгнать мужа и кормильца из семьи было просто невозможно, к тому же аристократки были терпимы к низменным порывам своих мужей. Но оплата бордельных утех вещами из их гардероба наносила личную обиду каждой леди Ларосса, поэтому они хотели отмищения. Городская стража получила жесткое указание от разгневанных дам: вышвырнуть воровку из борделя за стены Ларосса. Отряд вооруженных стражников направился к мраморному зданию, но прямо на ступенях встретил непреодолимую преграду.

Больше сотни городских беспризорников, словно воробы, усеяли крыльцо библиотеки, ее балкончики, дворик да и каждый свободный клочок земли. Мальчики, девочки, бродячие псы, кошки. И вся эта толпа собралась с единственной целью – не пустить стражу внутрь, к Далии.

О, эта девушка была не просто умна и учтивая. Далия была самым великодушным существом в Лароссе. До сирот войны, выброшенных на

улицы, и убежавших из дома детей, никому не было дела. Каждый был занят своим выживанием и малыши умирали от голода прямо под ногами равнодушных жителей. Сердце Далии каждый раз каменело, когда она видела подобную смерть. Но что могла дать бесчисленным бродяжкам девушка, зарабатывающая только на несколько кусков хлеба в день?

Но я повторю еще раз, и, если надо, еще раз – Далия была умна. Она знала, что в южных городах войны не будет еще долго. Зато мода, которая, как известно, разлетается со скоростью ветра, уже вступила в свои права в каждом городишке к югу от гор Хаурака. Что толку морскому торговцу от серебряного канделябра – в южных провинциях полно серебра. Другое дело – симмские кружева, не ездить же за ними на сам Симм в сезон штормов? В ту пору торговый путь по внешнему морю, где нежатся и Симм и Тарасийя, был долог и опасен. Зато север и юг Королевства были надежно связаны корабельным маршрутом, идущим вдоль береговой линии. Кружева, завезенные в Ларосс до войны, внезапно стали на юге весьма ходовым товаром. Ведь южные красавицы уже роняли крупные как монеты слезы, мечтая облачить свои загорелые руки в нежную паутину кружев.

Каждую ночь Далия меняла кружева на еду. На бочки рыбы, на головы сыра, на связки сушеных овощей и вяленое мясо, на маринованную дичь и мешки муки, на бадьи с маслом и ящики зерна. Не оставляя ни крошки себе, она кормила каждого брошенного ребенка в городе, отдавала еду бродячим собакам и котам, заглядывая под каждый мост в поисках голодных и потерянных. Раздавая все без остатка за ночь, с утра она уже строила планы, насколько выгодно она сможет продать новые кружева заходящему в порт кораблю.

Осада розовой библиотеки длилась два дня. Стражники не решались напасть на детей, а те и не думали уходить. История о Синей Далие разнеслась по городу. Простые жители, и так находившие своих господ весьма неприятными типами, начали роптать. И к счастью, даже чопорные дамы бывают догадливы – бунта не хотел никто. Женский совет города постановил: кружева записать в счет благотворительности, историю с Далией забыть, осаду с библиотеки снять, а мужей посадить на короткий поводок.

Толпа ликовала. Синяя Далия выиграла партию, да и весь бой. Но оставаться в городе она не пожелала. Нет, она не боялась мести или отсутствия гостей. Просто бывает такая пора, когда стоит сменить место и улететь вместе с нетерпеливым ветром. С Далией из города исчезли почти все беспризорники и сироты и даже бродячие животные.

Говорят, она вместе со своими подопечными устроила где-то крестьянское хозяйство, принимая каждого ребенка, пришедшего в поисках крова, как своего родного. Вырастая, ребята уезжали в города и деревни, строя свою жизнь и обретая семьи, возвращая собственных детей. Но они всегда возвращались навестить свою Далию. И в память о том, что она сделала для них, каждый оставлял на воротах дома кусок белоснежных кружев. Те, кто видели дом Далии, говорили, что он словно паутиной увешан тончайшими кружевами сверху донизу. Тысячами белоснежных узоров.

А в Лароссе по окончании войны напротив библиотеки установили памятник. Деньги собирали не один год. Медяки приносили матери, потерявшие детей, крестьяне, знающие о голоде не понаслышке,

священники и солдаты, простые ремесленники и бродяги, у которых обычно за душой ни гроша. В этих деньгах был собран стыд Ларосса. Пускай Далия была всего лишь продажной женщиной, но она своей смекалкой спасала тех, от кого отвернулся весь город. Она была солью народа – лучшей его частью. А ее история стала легендой, которой мог гордиться каждый житель Ларосса. Поговаривают, что немало денег вложили и бывшие клиенты Далии, вспоминая чуткость и веселый нрав этой девушки. И пусть это стоило пару оплеух от крикливых женушек.

Эта скульптура и по сей день стоит возле библиотеки. Хрупкая девушка с робкой улыбкой идет навстречу зданию, а с каждой стороны к ней прижимаются дети: бронзовые мальчик и девочка лет шести, в лохмотьях. Детишки смотрят на свою Далию, задрав головки. А вокруг людей на постаменте кружат бронзовые кошки и собаки.

Далия прижимает бронзовых детишек к себе. Ее руки с тонкими запястьями отлиты изумительно, как настоящие. И по локоть они выкрашены слепяще-белой краской в честь белых кружев, ценой которых она спасала жизни.

* * *

Выдохшись, я упала на истоптанную траву. Два часа всегда пролетают быстро. А с тех пор как я стала отражать удары, Атос выжимал из меня все до последней капли.

– Уже лучше, – заметил он, присаживаясь рядом. Да уж... На нем была только белая льняная рубашка, и я заметила, что он даже не вспотел. – Определенно, ты сражаешься намного уверенней.

– Как скажете, генерал.

Сама себе я теперь напоминала мешок, набитый порубленным мясом. Денег на еду уходило все меньше, а на лекарства – все больше. Лекарь хоть и делал мне скидки, но толку при таком количестве обезболивающего, что я поглощала, не было. И при всем при этом я чувствовала себя безмерно счастливой. Даже ночью, просыпаясь от дикой боли, в темноте я улыбалась. Да, появились новые синяки и даже шрамы, но тело становилось сильнее, послушнее, смелее. Может я и мешок с мясом, но уже не мешок с соломой.

Повернувшись к Атосу, я заметила, что он рассматривает эфес своего двуручника.

– Генерал, а могут мне на складе выдать меч получше? Этот слишком тяжелый.

– Ты все время только ноешь – Хотя голос у Атоса был серьезный, в глазах плясали искорки. – Большой меч – лучшая защита. Кинжалом или сабелькой сложно защищаться.

– Но генерал... – Ох и противный же у меня голос, когда я начинаю что-то выпрашивать. Но искорки в глазах Атоса давали мне на это право.

– Генерал то, генерал это... Не зови меня так. От этих званий я чувствую себя очень старым.

Мысленно перечислив все, что я знаю о субординации и правилах legionera, я решила все же не спорить. Кто я такая, в конце концов, чтобы спорить со старшим по званию:

– И как же мне теперь вас звать?

– Дай-ка подумать... – Атос взялся рукой за подбородок, изображая раздумье. – Хозяин?

Я начала часто моргать, а через мгновение сообразила, что сижу с открытым ртом как идиотка.

– Можешь еще звать меня Великодушный господин. Как вариант – Ваше Величество, правда, тогда тебе придется прислуживать мне за ужином. – Уголки рта у Атоса совсем чуть-чуть приподнялись, а искр в глазах прибавилось. Какие-то доли секунды мне казалось, что он говорит серьезно.

Но он с такой сосредоточенностью смотрел на меня, словно подначивая, что я не выдержала. Уронив голову между поднятых колен, я прыснула от смеха, а затем не сдержавшись начала хохотать в полный голос. Атос усмехнулся и тоже рассмеялся. Я впервые увидела его хохочущим так искренне, и у меня возникло ощущение, что в легионе это вообще происходит нечасто. Может и шутка была не самая удачная, но услышать ее все равно было сродни явлению чуда в этот мир.

Рассматривая смуглое лицо генерала, я вдруг поняла то, что было очевидным с самого начала. Атосу нужен был этот ученик и эти тренировки, может даже больше, чем мне. Он давно не смеялся, и ему необходим был не только повод, но и тот, с кем можно разделить смех. Обычно он ухмылялся или хмыкал, смотрел исподлобья, нервно дергал уголком рта. А ведь лицо Атоса такое приятное, когда он смеется: складка между густыми пепельными бровями разглаживается, на щеках появляются ямочки, совсем как у меня.

Я встала с травы, опираясь на разбитое колено и мысленно вздыхая.

– Ладно, Его Величество король собственной задницы, Атос. Пока я буду тренироваться с этим ужасным мечом, но разговор я подниму снова. – Я вела себя вольно и проверяла границы дозволенного. Как котенок, который на глазах хозяйки пробует лапкой сметану в крынке, но настороженно поглядывает на прутик в ее руке. Можно или нельзя мне так к тебе обращаться? Станешь ли ты снова закрываться и хмуриться?

– Про меч – даже не мечтай. Свободен. – Он уже не смеялся, но я все еще могла разглядеть на его губах подобие улыбки. Атос махнул мне рукой, чтобы я проваливала с тренировки. Пришлось, вздыхая, покинуть пределы поля. Но по воле своих тайных желаний я оглянулась. Атос уже завалился на спину – и я увидела только его широкий меч, прислоненный к изгороди, на лезвии которого вдруг заиграли солнечные блики.

* * *

Жизнь в постоянном притворстве – скверная штука. Ты ежесекундно думаешь о том, что надо делать, чтобы тебя не раскрыли, следишь за жестами, голосом. И постоянно врешь – всем людям вокруг, даже тем, кто тебе очень нравится. А вранье всегда порождает страх и недоверие. Эти два чувства были бичом моего существования в легионе.

Каждый вечер возле костра Кэрка был чарующим и непохожим на все остальное, что происходило вокруг. Но от постоянного вранья и страха я чувствовала себя здесь еще более паршиво.

Поначалу я не могла понять, что делало Кэрка таким особенным в глазах других людей? Но постепенно, шаг за шагом я начала раскрывать характер этого необычного человека, собравшего вокруг себя преданных друзей.

А началось все с лекарств, которые опустошили мой кошелек до последней монеты. Тренировки с Атосом были не просто изматывающими, но и богатыми на травмы. У меня постоянно ныли запястья от сдерживающих ударов, ноги от быстрых передвижений, каждая мышца была потянута, а число порезов уже пошло за сотню. В результате я с ног до головы была закутана в бинты и повязки, пропитанные заживляющими средствами.

Лекарства в легионе – это вообще отдельная история. Они были доступны только тем, у кого есть оллы, иногда тем – у кого есть куппы, а оборванцам вроде меня к ранам советовали приложить подорожник, закрывая дверь перед носом. Лекарствами обычно притор-

говывают в лазарете, и первое время, пока у меня еще были сбережения, я ходила туда к лекарю, закупаться снадобьями. Но потом деньги закончились.

Старик не стал давать мне лекарства под расписку, сказав, что это первый шаг к долгой яме. И у меня началась бессонница. Как бы я не хотела спать, боль бодрствовала в каждой клеточке тела и без снадобий ее было невозможно заглушить. Так как гостевала я у костра Кэрка, мои ночные бдения не могли остаться незамеченными. Днем я бродила словно призрак с темными кругами под глазами (ну хотя бы их не было видно, ведь я всегда была в шлеме). А на тренировки являлась вымотанной бессонницей и болью, и получала новые ранения. Это был замкнутый круг.

Видимо Кэрк это заметил. И в один из вечеров, кто-то из его ребят подошел ко мне:

– Лис, у меня осталось немного настойки от боли. – Он протянул мне склянку с мутной жидкостью. – Мне она не нужна, а тебе может пригодиться. Если, конечно, оттуда весь дух еще не вышел, давно лежит...

Я, наученная годами скитаний, знала только одно: ничего нельзя брать даром – а то потом спросят втридорога, поэтому решила проявить осторожность:

– Спасибо. Мне не надо. Но, правда, спасибо.

Парень обернулся на Кэрка и пожал плечами. Он больше не подходил ко мне в тот вечер. Однако на следующий день ко мне подошел другой человек, а потом следующий. Все они предлагали, кто бинт, кто примочку. Я отказывалась, благодарила, потела под шлемом, с ужасом думая об очередной бессонной ночи, но терпела. Это беспочвенное дружелюбие пугало меня сильнее ночной боли. Я не верила людям. Я слишком хорошо помнила, что иногда тебе помогают лишь потому, что ты напоминаешь беспомощное животное. И упаси меня боги от такой жалости.

И вот после очередной истории перед сном ко мне подошел сам Кэрк.

– Как ты? Собственно, глупо спрашивать – я же вижу, что ты не спишь.

– Если это кому-то мешает, я могу уйти. – В то время мне казалось, что меня будут гнать отовсюду. Я и так не верила в эту сказку: уютный костер, приятные люди и потрясающие рассказы каждый вечер. Была уверена, что мое счастье скоро должно закончиться.

– Глупый Лис, никому ты не мешаешь. Но почему ты так не хочешь принять помощь от ребят? Они искренне тебе ее предлагают.

– А разве в легионе могут что-то искренне предложить?

Кэрк задумался и потер подбородок веснушчатыми пальцами.

– У нас в отряде был мальчик. Может чуть старше тебя. Тоже такой весь низенький и тощенький. Он заболел год назад: обычная простуда. Подхватил насморк и только. Ну он кашлял и чихал, его лихорадило. А одной ночью взял и умер.

– Я не умираю, – вставила я.

– Ну и он не собирался. Но самое ужасное, что он был такой незаметный и молчаливый, что никто даже имени его вспомнить не мог. А потом сидели все наши парни и обсуждали, что да – надо было ему отдать тот теплый плащ, и да можно было поделиться бутылкой рома – ему бы она пригодилась больше. Лекарств было много, теплой одежды и здоровой пищи было много – а мальчик все равно умер. Каждый мог сделать что-то для него, не сильно утруждая себя. Просто поделиться и знать, что когда его прижмет – он не умрет в соплях никому не нужный.

Последние слова Кэрка прозвучали очень жестко, и я подумала о том, сколько еще таких сопливых мальчишек прошло мимо костра Кэрка? И за смерти скольких из них корил себя наш молодой капитан?

– Я видел, – тихо сказала я. – Что ты подсказываешь этим парням делиться со мной. Они все время оглядываются на тебя, словно ища одобрения: «Так ли я все делаю, Кэрк? Он отказался от помощи, можно я просто уже пойду?».

Губы капитана тронула улыбка:

– Ну, знаешь, хорошие традиции иногда вводятся пинками. Эти ребята на самом деле не против тебе помочь, просто они могут и не знать, что тебе нужна помощь. А я знаю. И еще знаю, что у Фреди есть обезболивающая микстура, а у Марко – припарки из трав для заживления ран. Принятие помощи не обязывает тебя к тому, чтобы сделать что-то для другого. Но ты запомнишь, что тебя выручили – и может, станешь чуть лучше.

– Ты очень хороший... – Это прозвучало совсем по-детски, но, кажется, Кэрк понял мою мысль и не стал над ней смеяться.

Этим же вечером я подошла к Фреди.

– Извини, ты недавно предлагал мне микстуру от боли. Если она еще осталась – мог бы ты мне ее дать?

Парень выглядел удивленным, но порывшись в сумке, он достал склянку и протянул ее мне.

– Спасибо. Ты не представляешь, как мне больно. И твоя микстура – она меня спасет, я уверен.

– Да брось ты. – От простых слов благодарности Фреди прямо расцвел. – Рад, что оказался полезным.

За нами со своего места наблюдал Кэрк. Он сидел, скрестив длинные худые ноги, и разглядывал людей вокруг костра. Тех, кого он старался сделать лучше. Он просто волшебный, подумалось мне тогда, откуда такие берутся?

* * *

Как бы смешно это не звучало, но проблема посещения выгребной ямы была покруче драк с солдатами и бессонных ночей. Первое время я терпела, терзая свое тело, до темноты, и лишь когда легион засыпал – убегала по своим делам, радуясь возможности незаметно справить нужду или вымыться в ручье. Приходилось меньше пить и есть, чтобы не тревожить лишний раз свой организм.

Но тело протестовало против таких зверств, и я начала выдумывать себе различные задания подалее от легиона. Съездить в деревню, заказать провиант? Лис вызываетеся. Надо довести до соседнего дружественного легиона депешу? Это к Лису. Я привыкла быть мальчиком на посылках, каждый день покидая легион. По дороге в пролесках и у озер я могла быть собой, и мне не надо было терпеть мучительные позывы.

Но тренировки с Атосом начали накладывать свой отпечаток на мою жизнь. Я не могла, как и прежде, вольно уходить из лагеря – ведь два часа дневного времени теперь были постоянно заняты. Поначалу мне казалось, что это все еще больше усложнит. Однако я стала замечать, что после достопамятной драки легионеры не то чтобы стали меня сторониться, но держались поодаль. Вряд ли меня боялись, скорее не знали чего ожидать от бешеного ученика генерала. И вскоре я смогла свободно посещать в гордом одиночестве выгребные ямы легиона в самые непопулярные часы. А если какой-нибудь солдат и забредал, составить мне компанию, я всегда успевала подтянуть штаны и удалиться, не особо мелькая голым задом. Я просто перестала бояться каждого шороха – и это многое решило.

С мытьем дело обстояло сложнее. Мать приучила меня к ежедневному очищению, и невозможность мыться как легионеры каждый день у всех на виду в походных чугунных ваннах или реках, близ которых мы останавливались, – все это сводило меня с ума. Я настолько отчаялась, что начала мыться по примеру тилльских женщин прямо в одежде и шлеме. Но это только добавило к моим злосчастиям насморк из-за вечно мокрой одежды.

Как мне казалось, все мучения были заметны лишь мне одной, но однажды после тренировки Атос неожиданно предложил мне съездить для него за желтой вишней в соседнее

поселение. Мы находились неподалеку от Раздолья Флависа, изумительных южных садов, полных сочной и крупной, со сливу величиной, желтой вишни. Местные жители снабжали легионы сушеной вишней, как провиантом. К тому же здешние сады находились к востоку от основных полей сражений, поэтому не были затронуты пожарами. Сейчас в самый расцвет лета вишня набрала сок, и я бы покривила душой, сказав, что не понимала Атоса. Однако предложение съездить за ягодами все равно меня покорило:

– Я вроде бы ученик по бою на мечях, а не прислужка, – проворчала я. От этих слов Атос замялся, и мне стало неловко. Многие генералы использовали своих учеников для гораздо более грязных поручений, а Атос требовал от меня лишь выкладываться на тренировках. – В общем-то, ладно, я схожу. Это займет, наверное, полдня.

– Там есть река по дороге к селению, – сказал мой учитель, мягко поглядывая на меня из-под челки.

– И?

– Я вижу, что тебе не по нраву мыться с остальными легионерами. И думаю, что знаю причину. – Хорошо хоть он не видел, как затряслись мои коленки. – Из-за твоей худобы и роста, да еще из-за чертовки, над тобой, наверное, часто смеются. Они идиоты, ты сам это знаешь. Но эта травля все равно неприятна.

Я ошарашено смотрела на Атоса. Сейчас он вел себя совсем не как задира-генерал.

– Лет в двенадцать я тоже был худым и нескладным парнем, повыше чем ты, но все же представлял собой жалкое зрелище. Надо мной издевались... и это было мерзко. Так что можно сказать, что я понимаю тебя.

– А что стало потом? – Представить огромного Атоса худым мальчиком я не могла.

– А потом я нарастил мышцы и выбил всем обидчикам зубы. – Он расхохотался. – Иди за вишней, Лис. И загляни к реке по дороге – обычно там безлюдно.

Я приняла задание уже не с обидой, а с благодарностью, которая все росла, пока я шла по желтой пыльной дороге, а слева и справа от меня простирались сады желтой вишни с нежно-кремовыми упругими плодами, покачивающимися на ветках. Они были забраны лишь небольшим деревянным заборчиком, и при желании я могла легко сорвать парочку вишен. Но в кулаке я держала монеты, выданные Атосом, и решила не жульничать, а купить ягоды.

Шум реки был слышен еще от дороги. Быстрый бег воды и шелест прибрежных камышей. Вокруг не было ни души, и я, быстро скинув одежду, вошла в воду. Дно оказалось илистым, и пальцы ног мгновенно зарылись в мягкую почву. Вода была кристально прозрачной. Я видела свои ноги в синяках и похудевшие бедра.

Не успела я дважды окатить себя пригоршнями воды, как она потемнела. Вернее я заметила двигавшееся ко мне с безумной скоростью пятно изумрудно-зеленого цвета. Я толком не успела испугаться, как оказалась окруженной огромным косяком рыбы. Крупные, почти полуметровые рыбыны огибли меня справа и слева, и даже умудрялись проплывать между ног. Их чешуя царапала мне бедра. Подпрыгивая из воды и поблескивая на солнце зеленой чешуей, косяк нескончаемо тек по реке – я уже не видела ни его начала, ни конца. Одна из рыбин выпрыгнула и ударила меня в грудь. От неожиданности я обхватила ее, да так и осталась стоять, прижимая скользкую тварюгу к голой груди.

– Эй, тетя! Зеленчака не так ловят. – Я с ужасом обернулась на крик и увидела на берегу чумазую девочку лет десяти. Она ловко вытаскивала из реки рыбину за рыбиной и с размаху била их головой о камень, видимо, специально заготовленный под эту работу. Возле нее росла горка пойманных зеленых громадин. – Выходи. Можешь воспользоваться моим бойком. – Она похлопала ладонью по камню.

Я взглянула в лицо своей рыбине, если его можно было назвать лицом. Она слабо трепыхалась, и в ее глазах не светилось особого ума, но мне почему-то показалось, что рыба

смотрит на меня очень жалостливо. Сердце не выдержало, и я расцепила объятия. Рыбина плюхнулась к своим братьям и сестрам и поплыла к неведомым берегам.

Я же вышла на сушу и наскоро оделась. Девочка видела меня без шлема, и я не стала его надевать, наслаждаясь солнечными лучами на лице.

– Зря упустили того зеленчака, тетя. Давайте я поделюсь, – щедро предложила маленькая селянка. – Куда идете?

– В ближайший поселок, купить желтой вишни немного.

– Пру, вы ведь из Алой Розы, верно. – Дождавшись пока я кивну, девочка продолжила. – Тогда вам никто ничего не продаст. У Фарака, моего села, контракт с леди Крианной и легионом Белого Чертополоха на поставки всей вишни, что мы соберем.

– Да ведь они же на другом конце страны, – удивилась я. – А мы тут, под боком. Неужели, если Роза попросит выкупить немного провианта, вы откажете?

– Уговор есть уговор. Ваш легион не то, что прочие – у вас там «господа», – девочка выговорила это слово с непонятным мне презрением. – Даже если мы вас к черту пошлем, ничего нам не будет. Роза не палит селения, это всем известно.

Пока я переваривала сказанное, девчонка продолжала доставать рыбу из воды голыми руками одну за другой и глушить ее об камень. Чешуя зеленчака была любопытной формы. Я подобрала интересную чешуйку, больше похожую на драгоценный камень, и стала рассматривать ее на свет.

– Красивая, правда? У нас все девчонки в деревне из нее ожерелья делают по сезону. В этом году только я подгадала, когда зеленчак по реке пойдет. Будет нам с мамой хороший навар.

– А почему бы мне просто не перелезть через забор и не украсть немного вишни? – Я вернулась к волновавшей меня теме. Причем я не столько переживала за Атоса, сколько терзалась неясными мыслями о явном презрении к нашему легиону.

– Воля ваша, тетя, – хмыкнула девочка. – Да только в садах бродят специально обученные волкодавы. И обучены они в основном тому, чтобы вор не доживал до суда. К тому же, разве у вас в легионе не запрещены кражи? Я думала за подобное у вас одна награда. – Селянка довольно наглядно затянула у себя на шее воображаемую петлю.

Заметив, что я сникла, девочка еще раз проявила щедрость.

– Берите моего зеленчака, а то и двух, тетя. В деревне вам все равно никто ничего не продаст, а так хотя бы с рыбой уйдете.

Я поблагодарила девочку, надела шлем и взяла среднюю по размеру рыбу, сантиметров в сорок. Обняв ее за мокрое и скользкое тело и прижав к животу, я двинулась обратно в легион той же дорогой, что шла к реке. Мирно колыхавшиеся сады с желтой вишней уже не казались мне прекрасными. Они были недостижимы как облака на небе.

Я не могла взять в толк, почему миряне понимали только грубую силу. За глаза Розу, мой легион, называли тряпками и «господами», считали, что могут в военное время отказать нам в провианте, заключив договор с нашим врагом, который расположился на многие километры к западу. Почему для человеческого отношения и уважения требовались грубая сила, убийства, пожары и грабежи?

Девочка даже не задумывалась, что приди к ней в поселение три тысячи человек с мечами наголо, она и ее мать бы совершенно иначе отнеслись бы к Алой Розе. Мы могли бы действовать как Лиловые Маки и просто брать силой все, что хотели. Тогда бы нас боялись, да. Но и уважали бы тоже. Так почему же честные цены на провиант, вежливое отношение к земле и ее жителям, наконец, желание увести битвы подальше от поселений рассматривались как слабохарактерность, а не жесты доброй воли?

Я вернулась в лагерь абсолютно вымотанная. Хотя пройденный путь был не так далек, но рыба начала подванивать, а тяжелые мысли растянули дорогу в три раза. В легионе я

дошла до синего шатра Атоса и заглянула в него. Я сделала это неосознанно и впервые. Раньше я просто ждала, пока он выйдет. А сейчас мне не хотелось ждать, рыба пахла все хуже, и мне надо было отдать деньги за некупленную вишню.

Если бы была дверь, я без сомнения бы постучалась. Но двери не было – я заглянула и поняла, что хозяин отсутствует. Пришлось сесть при входе, обнять зеленчака и ждать.

Я и не заметила, как заснула. Очнулась уже в сумерках. Вонючей рыбы не было, зато кто-то накрыл меня огромным плащом, заботливо подоткнув его мне под ноги.

#Бусина четвертая

Движение, шум и гам наполнили все вокруг. Легионеры спешно собирали палатки, обозы нагружались водой и провиантом, а девушки из соседних деревень рыдали в полный голос, прощаясь со своими полевыми женихами. Жизнь бурлила, а причиной тому стало новое задание.

Основным нанимателем легиона Алой Розы всегда был лорд Строгосс – оплывший и болезненный молодой мужчина, один из наследников почившего короля. В очереди на престол Строгосс шел то ли двенадцатым, то ли тринадцатым, но учитывая, что перед ним находились сплошь плоды кровосмесительных связей, сумасшедшие старики и дети, не готовые к правлению, то наш лорд был не самым плохим претендентом. Как только король умер, и началась борьба за престол, он одним из первых подсутился и нанял через Алайлу наш легион. Лучший легион в стране – это точно.

Может Алая Роза и не была так велика в размерах, как Черная Хризантема. А наши бойцы были менее тренированы, чем кавалерия и пехота Лиловых Маков. Но у нас было три генерала, за которых в бой готов был ринуться и погибнуть каждый легионер нашей армии. Ну, исключая меня, разумеется – я предпочитала трусливо отсиживаться в снабженцах.

Тем не менее, мораль в Розе всегда была крайне высока, и лорд Строгосс не прогадал, доверяя свои права на престол Алайле. С начала гражданской войны Роза не проиграла ни одного сражения (не считая битвы у реки Аскопос, но все предпочитали называть это тактическим отступлением).

Большую часть времени претенденты на королевский престол предпочитали прятаться в своих укрепленных крепостях, боясь даже нос за порог высунуть. Но иногда у них взрывала кровь – хотелось показать, что они принимают участие в войне не только монетой, но и лично. Вот тогда они ездили со свитой по сожженным полям своей страны, из окна карет смотрели на голодных крестьян, и нет-нет да заскакивали в свои легионы. Такие посещения я окрестила «шелковой войной», сорвав эти слова с языка Атоса.

Не было исключением и лорд Строгосс. На моей памяти до знакомства с крайнийским генералом он приезжал в распоряжение дважды. Я видела его издали, и меня поразило, сколько у него придворных и прислуги. Разодетые в пух и прах дамы, пажи, князьки и рыцари сопровождали своего будущего короля, словно собачки на поводках. Легионеры эти посещения не любили – ведь из-за них в лагере серьезно ужесточали правила. Запрещались пьянки, лагерных шлюх выдворяли, а непристойное поведение каралось плетью.

Поэтому, когда Атос объявил на сборе перед офицерами, что наш наниматель уже в полудне пути от Розы, над рядами прокатился нестройный вздох. Дворяне содержали нас, оплачивали наши кровь и пот, но нас не обязывали их любить.

У меня были особые причины презирать эту братию. Когда-то в прошлом я подошла к ней слишком близко, и успела разглядеть все уродливые черты нашей аристократии.

– Лис, останься, – Атос довольно грубо схватил меня за плечо, когда я уже собиралась покинуть собрание. Меня здесь вообще не должно было быть – я не принадлежала к офицерскому составу (да и к какому-либо составу вообще). Я задержалась после тренировки и стала невольной участницей этого сбора, и теперь боялась получить за это выволочку.

– Я никому не расскажу...

– Не в этом дело, – Атос выглядел крайне взволнованным. – Мне нужно, чтобы ты сопровождал меня на встрече со Строгоссом.

Это было что-то новенькое. Прислуживать дворянам?

– Крамер и Алайла в отъезде. А меня Строгосс побаивается. Он, конечно, никогда в этом не признается, но лишь меня из трех генералов он просит приветствовать его без оружия.

– Ну и зачем вам я, генерал?

– Хочу проверить небольшую аферу, – Атос подмигнул мне. – Поставить его лордство на место. По договору я не могу держать мой меч на наших встречах, но про то, что меч должен быть далеко от меня, уговора не было. Ты исполнишь роль оруженосца.

Идея испытывать терпение нашего нанимателя показалась мне глупой, но я промолчала. Я плохо разбиралась в интригах, и в целом вполне могла понять несчастного Строгосса. На его жизнь покушались два или три раза – слишком большим было его влияние и вероятность получения престола. С такой печальной историей за спиной запретить двухметровому крайнийцу держать при себе полутораметровый меч было вполне логично.

Но не отказалась я от должности оруженосца по другой причине. Когда бы мне еще выпала возможность посмотреть на будущего короля? А я не сомневалась, что Роза достаточно сильна, чтобы привести Строгосса к победе.

В этот же день я в чистой рубашке и начищенном шлеме явилась на смотровую площадку. Видимо я опоздала, потому что Атос быстро сунул мне в руки меч и встал передо мной, закрывая весь обзор. Помимо генерала приветствовать нанимателя были вызваны некоторые офицеры: я заметила в шеренге вихрастую голову Кэрка и яркую рубаху с жабо Ферроса.

Меч Атоса был невозможно тяжел и огромен. Я никак не могла поудобнее перехватить его и вертелась за спиной Атоса как юла, пытаясь удержать это стальное чудовище. Когда я заметила Строгосса, он уже успел подойти к Атосу и вел с ним оживленную беседу.

Выглядел он, как о нем и говорили: отечное лицо, борода, в которой, несмотря на возраст, уже преобладали седые волоски. Голову украшала корона, отлитая, вероятно, в Штольце. Она повторяла и формой и узором корону правителя Королевства, но дураку было ясно, что это подделка. Настоящая корона хранилась в сокровищнице столицы Ярвелла. И Совет мудрецов, охранявших престол до окончания гражданской войны, заявил, что отдаст корону любому родственнику покойного короля – если тот выживет в этой бойне. Поэтому страдающий одышкой и оплывший Строгосс в поддельной короне вызвал скорее жалость, нежели презрение.

В линии престолонаследования он занимал незавидное место, однако все его родовые земли находились прямо под Ярвеллом, и он одним из первых потерял с гибелью монарха все. Однако шустрый лорд успел вывезти из Дирры, престольного региона, все сокровища. И сейчас Строгосс имел достаточно средств, чтобы колесить по стране и склонять менее сильных оппонентов на свою сторону. Это ему удавалось с переменным успехом, и он делал большие ставки на военные победы Розы, знак которой он даже присоединил к своему гербу. За эту честь, оказанную нашему легиону, ему многое прощалось.

Я была так занята своим «боем» с мечом Атоса, что прислушалась к разговору лишь на середине:

– ...А еще я слышал, что ваши товарищи-генералы намерены сочетаться браком.

– Это вряд ли. Просто слухи, Ваше Величество, – Атос, как и все, обращался к Строгоссу как к законному королю. Считалось, что все права на это у нашего лорда уже есть. Не хватало малого – трона. – Думаю, Алайла и Крамер оповестили бы меня, надумай они жениться.

Возможно, мне показалось, но Атос сказал это чуть поспешнее, чем следовало. Словно даже раздумывать над возможностью брака между генералами не хотел. В легионе бродила сплетня, что Атос увлечен леди Алайлой, но от самого генерала я ни разу не слышала даже упоминания о ней. Будь этот слух правдой, шансов у Атоса было бы не больше, чем у Силь-

велла. Какое бы влияние и звание он не приобрел, мой учитель всегда оставался простым парнем из народа. Крамер же, напротив, был достойной партией для Алайлы. Они были одного поля ягодами: красивыми, молодыми, благородными и оба обладали достаточным состоянием.

– А жаль, красивая ведь пара, Атос. Я бы и сам с радостью сделал предложение Алайле, если бы не мое положение в обществе. Все-таки наша леди-генерал очень хороша.

– Не могу с вами не согласиться, Ваше Величество.

– А ты сам? – Судя по тону, престолонаследник был в отличном настроении и намеревался пошутить. – Неужели так и собираешься помирать бирюком?

– Генералу недопустимо тратить мысли на женщин, а не на свои боевые качества. Возможно, в будущем, но сейчас мне не до брака.

Обманщик из Атоса был никудышный. Голос его предательски дрогнул. Видимо Строгосс тоже почувствовал сомнения в голосе, но решил не беречь наболевшее. Внезапно лорд спросил:

– Весь разговор у тебя за спиной кто-то крутится. Что там вообще происходит?

Атос шагнул в сторону и открыл его лордству меня с мечом. Мне пришлось упереть лезвие в землю и опереться на эфес, потому что держать этот кусок стали на весу уже не было никаких сил.

– Боги мои. Да меч же ростом с мальчишку. Это что, его оружие? – Сопровождающие Строгосса рассмеялись, я же была крайне смущена. Меч Атоса и вправду был почти с меня ростом, и со стороны я, наверное, выглядела жалкой рядом с этим мощным оружием.

– Этот мальчик мой ученик и оруженосец, – произнес Атос, положив ладонь на мой шлем сверху.

– Так значит, это тот самый страшный меч генерала Атоса? – Строгосс не был зол на то, что его генерал в обход прямых приказов принес оружие на встречу. В его голосе сквозило скорее детское любопытство вперемешку со страхом.

– Он самый.

– А разве этот птенчик не слишком юн для подобной работы? Мальчик, не хочешь пойти ко мне в пажи? У нас при дворе детей не будут заставлять носить такие тяжелые вещи.

Взгляд лорда был мягким и сердечным. А мне стало неоправданно горько за свой обман. Я вводила в заблуждение всех – доброго Кэрка, грозного Атоса, ребят из круга костра. Но именно перед этой жалостью аристократа с его напыщенной добротой мне неожиданно стало неловко.

– Идас велит нам служить мечом своим правителям. Позвольте и мне...

Мои слова, впрочем, не были нужны никому. Строгосс со свитой и Атосом уже отошли, когда они сорвались с моих губ. Приглашение в пажи было не более чем секундным жестом доброй и бессмысленной воли. Я в очередной раз была одурачена мнимой щедростью дворян.

В ушах раздался неприятный треск разрываемой ткани. Я прислонилась подбородком к холодному металлу меча Атоса. Представления людей о добре и помощи, взаимовыручка, поддержка и причуды аристократов – все это было пустым. Единственной настоящей вещью в этом мире был этот меч. Холодный, тяжелый, но дарующий настоящую защиту и силу.

* * *

После посещения Строгосса и месячного простоя нас снова бросят в сражение. Я, схватив Тэддо, направилась к складам. Оружие почему-то выдавали сегодня, хотя нам еще предстояло два дня пути до места встречи с какой-то жалкой армией под названием Желтые то ли лютики, то ли львиный зев. Было известно лишь то, что они обосновались возле кре-

пости Рэймис. Так как название было не на слуху, вряд ли это было сильное укрепление, способное как-то изменить ход войны. Скорее уже небольшая домашняя крепость какого-нибудь земельного лордишки. Битва не обещала быть сложной.

– Эй. – Тэддо отвлек меня от моих мыслей. Мальчишка со смоляными волосами и глазами, как у мышонка, носился вокруг, подпрыгивая. – А ты почему состоишь в снабженцах, а? Мне Кэрк сказал. Зачем? Там только трусы – пошли в наш отряд? У нас здорово.

– Затухни. – Я потрепала его непослушные лохмы. Мне всегда нравился этот жест, а в легионе его можно позволить только по отношению к ребенку вроде Тэддо. – Мне в снабженцах самое место. Я и есть трус.

– Тебя Атос тренирует – ты не можешь быть трусом. И того парня месяц назад ты отделал, просто ух! – Мы приблизились к столам записи, и я вспомнила, что малыш Тэддо, несмотря на то, что был простым конюшим, всегда находился в первых рядах. Конечно, мальчишка не сражался, но в каждой битве именно он готовил свежих лошадей для кавалерии. Способный мальчик, все хвалят его. И меня пробрал озноб от одной мысли, что в глупой битве этот шустрый малыш может упасть и больше не подняться.

– Привет, офицер. – За учетным столом восседал мой старинный знакомец, любитель блестящих кирас. Он меня, разумеется, не вспомнил и только кивнул в ответ. – Третий отряд Генада, снабженец, Лис. Требуется: броня, пика. Шлем у меня свой. И вот. – Я с сожалением протянула меч, выданный мне Атосом для тренировок. – Это я пока сдам.

– Имя. – Лейтенант выглядел так, словно я назойливая муха. Встал он что ли не с той ноги? Ну ладно, мне несложно повторить.

– Лис.

Офицер задумчиво пролистал свои бумаги, а потом, что-то вспомнив, достал из кармана мятый листок. Внимательно осмотрев сначала меня, а затем бумажку, он начал бормотать себе под нос. Приняв решение, он все-таки сообразовал обратиться и ко мне:

– Не будет тебе пики, парень, – со злорадством заметил он. – И снабженцев не будет. Меч оставь при себе, на складе тебе выдадут броню. Теперь ты в первом отряде левой колонны под командованием капитана Мердона.

Новость словно громом меня поразила, и я удивленно застыла на месте.

– Это ошибка... я в снабженцах, всегда там и...

– Никаких ошибок, особое распоряжение насчет тебя. – Мужчина потряс перед моим носом мятым листком из его кармана с какими-то неразборчивыми каракулями. – Считаю, что получил повышение.

– Повышение, Лис! Слышишь, как здорово. – Тэддо снова, словно щенок, начал прыгать вокруг меня. – Теперь ты не в снабженцах. Жаль, что не с нами у Кэрка – мы бы вместе задали этим Желтым Поганкам!

Я поспешно выхватила у офицера лист и, пропуская мимо ушей его возмущенные вопли, отошла к багряному шатру. На бумаге была лишь пара строк: *«Парень в тупом шлеме. Лис – 1-й отряд лев. колонны “А”»*. Во мне начало подниматься возмущение. А! Ну, конечно, решил сделать мне подарок – тренировка боем! Как здорово, просто волшебное, только меня забыли спросить.

Оставив Тэддо, я направилась к синему шатру господина А., надеясь высказать свой протест – умирать в первых рядах мне не хотелось. Шлем тупой! Ха! Надеюсь, что я выгляжу достаточно яростно, я ворвалась в шатер. Вот только Атос был не один.

Передо мной предстал первый генерал легиона, прекрасный как бог и столь же опасный – Крамер. Молодой мужчина, облаченный в бирюзовый камзол и белые сапоги, стоял над заваленным картами походов столом.

– А, так ты и есть новое увлечение Атоса? – сказал он с легкой улыбкой на своих словно напомаженных губах. – Проходи. Я думал ты повыше ростом.

– Я не увлечение... – хмуро сказала я.

Крамер всегда был гордостью Алой Розы. Сейчас мне представилась возможность рассмотреть его во всей красе. Наверно, именно о таких военных и мечтают глупые дочки богатых торговцев: высокий блондин с длинными волосами, затянутыми в конский хвост, и смазливый лицом. Ярко-голубые глаза были широко распахнуты, словно генерал удивлялся всему, что видел вокруг. Но каждый легионер знал, что не стоило обманываться почти девичьей нежностью лица и яркостью одежд Крамера. Если Атос был мощью легиона, то за красивым личиком Крамера крылась вся хитрость нашей армии.

В отличие от моего учителя о Крамере было известно все. Выросший в благополучной семье офицера одного из замков, он еще мальчишкой получил лучшее воинское образование во всем Королевстве. Его учили не только фехтованию, стратегии и верховой езде, но и иностранным языкам, изящной словесности и даже танцам. Крамер был обласкан матерью и рос под восхищенным взглядом отца.

Несмотря на столь нежную для юноши внешность, он не стал светским хлыщом или гулякой. Поняв, что его сильная сторона это ведение боя не с мечом, а с пером, он направился в воинскую столицу Королевства – Кармак – где получил дополнительное образование как стратег действующей армии. Дело оставалось за малым.

Когда Крамер был примерно моего возраста, он нашел чахлый легион Алой Розы на западе страны. Распадающийся и не имеющий должного снабжения легион доживал свои дни, а командовал им горький пьяница. За сто монет Крамер перекупил штандарт у генерала-выпивохи и начал набирать людей.

Именно он нашел несговорчивого Атоса и прекрасную Алайлу. Именно он уговорил их стать генералами и с фанатичным упорством вел легион от победы к победе. Поэтому что бы не говорили люди о мощи Атоса или блестящих дипломатических навыках Алайлы, мозгом легиона оставался Крамер. Скуластый пухлогубый мальчишка, обожающий вечерние камзолы на поле боя, и сражающийся фигурками отрядов на картах ничуть не менее яростно, чем Атос в настоящей битве.

Перечить ему было опасно, но что поделать, последние недели привили мне тягу к безрассудству. И я продолжала пробовать на вкус границы дозволенного.

– Я не увлечение, – повторила я, глядя прямо в лицо Крамеру. – И я – мальчик.

– Ого! – Крамер кивнул Атосу, сидевшему на стуле и с интересом наблюдавшему за нашим разговором. – Ты посмотри, какой смелый, а? Не зря ты его выбрал. Я в курсе, юноша, кто вы по половой принадлежности. Но увлечения далеко не всегда относятся к любовным утехам. Взять хоть моего друга. – Кивок на Атоса. – Обожает выдумать что-нибудь для развлечения. Например, выбрать себе из простых солдат ученика и проводить с ним больше времени, чем со своим старым другом. Ай-яй-яй...

– Я... лучше пойду, – пробормотав, я спиной шагнула к выходу, надеясь переждать «нашествие» первого генерала.

– Да нет уж, постой, дружок. Речь ведь и о тебе тоже. – Пухлые губы Крамера тронула улыбка. – Атос мне тут сообщил, что для моего специального задания он выбрал именно тебя. Ведь так?

Атос продолжал молча переводить взгляд то на своего друга, то на меня. Затем он медленно кивнул. Отчего я совсем растерялась:

– Я ничего не знаю о задании. Я пришел, чтобы сказать, что меня перевели в авангард. Хотя я... я совсем не хочу там быть.

– Но тебе придется. – Атос подал голос в первый раз за весь разговор. – У тебя особое задание. При штурме ты должен, минуя сражение, пробраться в северную башню крепости Рэймис и забрать у находящейся там леди драгоценную шкатулку. Затем вместе с ларцом

вернуться в лагерь. Вокруг тебя будут лучшие солдаты, которым дано единственное задание – прикрывать твой зад. Твоя же цель – заполучить шкатулку и донести ее в целости.

– Но... – запнулась я. Что можно было сказать? Что я не хочу этого задания? Что трушу выходить на поле боя? Все это было правдой. Но такое обращение... оно немного разогрело мою кровь, заставляя ее быстрее бежать по венам, и вызывало приятное чувство предвкушения. Наконец я задала единственно верный вопрос:

– Почему я, Атос?

Крамер удивленно приподнял брови. Видимо о таком панибратстве простого легионера и генерала его армии он слышал впервые. Атос же спокойно ответил, разглядывая уже не меня, а карту на столе:

– Ты чертовски быстрый, Лис. А тут важно не умение махать мечом, а скорость. Мы не планируем брать Рэймис – на подходе союзная армия Желтой Череды, они будут стоять за свой жалкий замок до конца. Мы здесь не по приказу Строгосса, а из-за этой шкатулки. Она нам нужна и быстро. Ты свободен.

– Ну-ну, не много ли сведений ты сообщил нашему маленькому другу? – То, как говорил Крамер, как он себя вел, как жеманно прикладывал пальцы к губам во время разговора – все это меня невероятно раздражало. То, что заставило двух таких разных людей стать друзьями, оставалось для меня загадкой.

– Я доверяю ему. А ты доверяешь мне? – Фраза была брошена почти с вызовом. Крамер, пожав плечами, развел руками. Что-то происходило сейчас в правлении легиона. И невольно мне пришлось играть ключевую роль в том, что назревало.

* * *

Капли пота стекали между лопатками. Снова. Как будто ничего и не изменилось за прошедшее с последней битвы время. Гул, справа и слева, легионеры в истертой броне, перезвон мечей, взведение арбалетов.

Почти ничего не изменилось, только я стояла в первом ряду армии, готовящейся к штурму. Не в неспешной «группе сопровождения» в конце легиона – нет. Я стояла среди тех самых людей, которые умирают в половине случаев. Такой расклад мне совсем не нравился.

Справа от меня в довольно вольной стойке расположился высокий и худой парень, весь закованный в черную броню. На фоне низкорослых людей вроде меня этот солдат служил отличной мишенью для вражеских лучников. У парня были видны только веснушчатые кисти рук, сжимающие рукоятку меча-бастарда.

Все мы по военному предписанию ждали сигнала, а я повторяла про себя: «Особое задание, особое задание, особое задание». Замок Рэймис, который нам предстояло брать штурмом, выглядел как этакая провинциальная крепость. Просто четырехугольник из невысоких стен, высотой метров пять. Никаких рвов или кольев, лишь серый замшелый камень, надежная, но простая кладка. Этот замок строили, чтобы обороняться от редких бандитов, а не от обученных солдат. «Взять его для нашей армии будет парой пустяков», – подумалось мне. Даже излишне, что Крамер вывел на битву четверть легиона.

У меня защекотало под языком. Конечно, Атос сказал, что все люди вокруг меня – мое сопровождение, почетный эскорт за драгоценной шкатулкой из северной башни. Но почему-то сейчас казалось, что никто из окружающих не в курсе их задачи. Возможно, это вовсе и не задание, а просто глупый розыгрыш моего учителя.

Внезапно прозвучал сигнал боевого рога. Люди побежали вперед, а я же, не в силах оторваться от мысли о розыгрыше, замерла как испуганный кролик. Мой миг славы вроде бы настал, но от страха за свою жизнь я даже не могла сообразить, где тут север. К какой из этих башен мне следовало бежать?

– Что ты стоишь, – зашипел на меня парень в черном невероятно знакомым голосом. – Где же твоя хваленая скорость, Лис?

Лишь я собралась с духом, чтобы ответить, с правого фланга в нас врезался небольшой вражеский отряд. В голове судорожно мелькали мысли: кто они? Откуда эти парни с желтыми знаменами? Но времени разбираться особо не было. Я парировала удар одного солдата, увернулась от атаки другого, но все равно слишком поздно заметила меч, приближающийся к моему лицу. Он двигался, словно разрубая воду, в руке одного из вражеских солдат. Скорость, ее всегда мало. Я сомкнула ресницы.

– Идиот! – От крика я открыла глаза, а в сантиметре от моего лица черный мечник отразил удар. Его меч, блеснувший черной матовой поверхностью, мелькнул и исчез. – Как могли поручить задание неумехе вроде тебя?

Я огляделась. Вокруг гибли люди. Где-то с левой стороны около леса отряд с Тэддо отбивал атаку копьеносцев. И всюду царили крики, кровь, словно красное полотно, накрывшее поле. В снабженцах никогда такого не увидишь.

«Если можешь прекратить это, действуй. – Тихий голос, полный ярости, поднялся из глубины. – Тебе всего лишь надо принести шкатулку. Ты трусливая, глупая девчонка. Прекрати это! Немедленно!»

Я сорвалась с места, словно в погоне за ветром. Черный мечник крикнул что-то мне в спину, но я его уже не слышала. Подныривая под мечи и перескакивая через тела, я делала то, что умела лучше всего – танцевала с ветром, сливалась с ним. Вдруг я поняла, где северная башня. Солнце ведь только встало, и определить восток было проще простого. Я летела, и меня замедляли лишь мой собственный меч, прыгающий на бедре, да шлем, скрывающий обзор. Все это отвлекало, но не настолько сильно, чтобы остановить меня хоть на миг. Чем раньше я получу шкатулку, тем больше шансов выжить будет у Тэддо и ребят.

Ворота уже были выломаны нашим тараном, и я легко попала внутрь крепости. Вокруг кипел бой, но я не должна была отвлекаться. Шаг, другой – я пересекла двор перебежками и нырнула в темное нутро башни. Тут стояли двое охранников. Их было меньше, чем я ожидала, и в сердце неожиданно прозвучала нота разочарования. Я видела страх в глазах этих солдат, они были близки к паническому бегству, но держались. Вероятно, это было делом чести – мечи были подняты, а разговоры на поле боя не приветствуются.

Перед глазами у меня пронеслись часы тренировок с Атосом. Его советы, его насмешки, его стиль боя. И самое важное – поле боя, это ведь не паркет, верно? Пока один из солдат заносил меч, я поднырнула под его руку и нанесла удар кулаком в незащищенное броней место. Какое упущение – не закрыть свое достоинство. Солдат согнулся от боли, и я вонзила свой кинжал ему в горло. На руку упала пара горячих капель. Падающий солдат прохрипел что-то невнятное и начал заваливаться. Однако его товарищ все еще пытался достать меня.

Подхватив раненого, заслонила им как щитом, и изо всех сил швырнула его на второго солдата. Мужчины упали, и я завершила наш бой двумя короткими ударами кинжала: в висок одному и второму.

– Фью... – Раздался свист за спиной. – Беру свои слова о неумехе обратно. Ты даже меч не достал.

Парень в черном стоял позади меня. Почему же я не узнала этот голос сразу, ведь я слышала его каждый вечер. Перед крепостью мое тело и мозг были скованы страхом, но сейчас я вновь овладела собой и могла рассуждать здраво.

– Кэрк, не знала, что тебя назначили ко мне в няньки. – Я ухмыльнулась, надеясь, что выгляжу достаточно смелой. Правда, тут меня прошиб холодный пот от мысли, что я скопировала даже интонации Атоса. – Пойдем, у нас мало времени. Наверху нас ждут.

Капитан кивнул, и мы начали подниматься по гладко обтесанным ступеням из гранита, которые вели на вершину северной башни, к нашей цели. Удивительно, но охраны мы больше не встретили. На четвертом этаже я и Кэрк вошли в светлую комнату. Лучи лились на каменный пол сквозь витражи (для такой глуши, наверное, жуткая дороговизна), образуя причудливую мозаику из синего, красного и желтого. На огромной кровати с багряным балдахином сидела совсем юная девушка в дорогом платье и с тонкой жемчужной нитью на шее. Ее светло-каштановые волосы, на пару тонов светлее моих, были убраны в затейливую прическу со множеством гребней и заколок.

Девушка не выглядела испуганной. Напротив, сжав маленькие кулачки на груди, она без страха смотрела на вошедших в комнату мужчин. Мне бы такую выдержку в ее годы. Она не могла знать, что вошедшие придерживаются кодекса Алой Розы: отказ от насилия и убийств мирян при штурме.

– Вот и ты, сокровище. – Кэрк произнес это будничным тоном и направился к шкапулке, покоящейся на прикроватном столике из резного темного дерева. Сам ларец был даже чересчур прост: выбеленный дуб, пара узоров на крышке, даже без замка.

– Забирайте шкапулку и уходите. – Голосок владелицы комнаты дрожал. Значит, она была не так смела, какой хотела казаться. В этом мы с ней были весьма схожи.

– Как скажете, госпожа. Пойдем, Лис.

Кэрк направился к двери, а я осталась в комнате. Что-то было неправильно, шло совсем не так. Девушка не должна была так просто отдать шкапулку, даже не попытавшись спрятать ее. И маленькие кулачки сжатые у груди... тонкий шнурок на шее, незамеченный нами из-за нитки жемчуга.

– Стой! – Мой оклик остановил черного мечника в дверях. – Миледи, что у вас на шее?

– Украшение. Безделушка. Медь. – Владелица комнаты говорила слишком быстро и сбивчиво, прикрывая грудь все отчаяннее.

Это просто глупо – отдать главное сокровище замка и так судорожно прятать дешевое украшение, не так ли?

Я подошла вплотную к молоденькой аристократке. Девушку била дрожь, вполне объяснимая при штурме дворца, но заглядывая в ее глубоко посаженные глаза, я поняла, что боится она не вражеских солдат.

– Украшения носят так, чтобы их можно было увидеть. В этом их смысл, дорогая. – Я положила руку девушке на плечо. – Это знает даже солдат вроде меня.

– Шкапулка уже у нас, – начал терять терпение Кэрк. – Оставь леди ее драгоценности.

– За шкапулкой ли нас послали, а, Кэрк? Может за тем, что в ней хранится? – Я снова развернулась к хозяйке комнаты. – Ваша безделушка слишком нарочито спрятана в декольте.

Поддев пальцами тонкий шнурок, я аккуратно сняла с шеи девушки «украшение». На нити покачивался небольшой ключ из потемневшего металла. Бороздки казались ржавыми, на головке ключа было эмалевое изображение ломанной спирали. Ключ производил странное впечатление – предмета, мало связанного с открыванием чего-либо. Он пугающе холодил руку. Кэрк присвистнул и проверил шкапулку – она была пуста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.